

maestro
of detective

ЧИНГИЗ

Абдуллаев

И ВОЗЬМИ МОЮ БОЛЬ

Чингиз Абдуллаев
И возьми мою боль

«PEN-клуб»

1997

Абдуллаев Ч. А.

И возьми мою боль / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 1997

Город населен двуногими хищниками. В огне кровавой войны, разгоревшейся на улицах Москвы между криминальными группировками, мечется семнадцатилетняя красавица Ирада. За ней охотятся и милиция, и уголовники. Чужой город, горячее дыхание погони, постоянная опасность, кажется, выхода нет, но находятся люди, которые идут под пули, невероятно рискуют, чтобы выволить ее из этого ада.

© Абдуллаев Ч. А., 1997

© PEN-клуб, 1997

Содержание

Вступление	5
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Глава седьмая	41
Глава восьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Чингиз Абдуллаев

И возьми мою боль

Господи, Боже мой! Если я что сделал, если есть неправда в руках моих, если я платил злом тому, кто был со мной в мире, – я, который спасал даже того, кто без причины стал моим врагом, – то пусть враг преследует душу мою и настигнет, пусть втопчет в землю жизнь мою и славу мою повергнет в прах.

Восстань, Господи, во гневе Твоем; подвигнись против неистовства врагов моих, пробудись для меня на суд, который Ты заповедал...

Псалтирь. Псалом 7, 4 – 7

А если кто-нибудь из многобожников просил у тебя убежища, то приюти его, пока он не услышит слова Аллаха. Потом доставь его в безопасное для него место. Это – потому, что они – люди, которые не знают.

Коран. Сура 9. Покаяние. 6(6)

Вступление

Он вышел из автомобиля и, хмуро посмотрев по сторонам, поднял воротник плаща. Метрах в двадцати от него стояла группа людей. Мелькали огни фонарей. Одна из машин сумела проехать поближе и осветить место происшествия, включив дальний свет. Он прошел дальше.

– Подполковник Цапов, – представился прибывший.

– Сюда, – показал один из офицеров милиции в насквозь промокшем плаще. Очевидно, это был один из сотрудников ГАИ, первыми прибывших на место преступления, сразу же после обнаружения убитых.

Цапов сделал еще несколько шагов. Один из группы обернулся и, заметив Цапова, кивнул ему.

– Добрый вечер, – поздоровался подполковник.

– Какой он, к черту, добрый! – чертыхнулся его собеседник, очевидно, старший в группе. Цапов узнал его. Это был полковник Семечкин. Несмотря на морозящий дождь, он был в расстегнутом пиджаке. Волосы уже намокли, и теперь тонкие струйки бежали по его лицу.

– Меня попросили приехать сюда, – миролюбиво сказал Цапов.

– Все правильно, – кивнул Семечкин, – ваше начальство считает, что вы лично знали убитого. Вы можете опознать его?

– Постараюсь, – Цапов наклонился над двумя трупами, прикрытыми брезентом. Один из стоявших рядом сержантов предупредительно отогнул брезент. При свете автомобильных фар и фонарей можно было разглядеть вытянутые черты лица одного из покойников. Цапов взглянул на убитого, вздохнул и поднялся.

– Это он, – сказал подполковник, кивнув, – я его узнал. Как это произошло?

– Три часа назад их машину обнаружили в кустах, – мрачно пояснил Семечкин, – видимо, ее обстреляли на шоссе. Непонятно, почему она не взорвалась. Обычно в таких случаях автомобили горят как спички. Нападавшие буквально изрешетили автомобиль. Видимо, оба погибших сидели в этот момент в машине. Здесь никого нет, глухое место. Но один из дачников в это время проходил неподалеку и услышал стрельбу. Пока он позвонил, пока нам передали сообщение, пока мы приехали... Думаю, прошло часа два...

– Их убили из автомата? – спросил Цапов.

– Возможно. Но их потом добивали. Выстрелами в голову.

– Вы думаете, они еще были живы?

– Если даже и живы, то в таком состоянии, что уже ничего не соображали. У каждого из них несколько тяжелых ранений. Но их еще добивали в голову, это точно. Я такого за последние несколько лет несмотрелся. Типичный бандитский почерк. Машину мы нашли метрах в десяти отсюда. Значит, тела даже не перетаскивали.

– Их обыскивали? – Цапов снова наклонился, глядя на убитого.

– Нет. Документы оставили. Деньги тоже. Обычно в таких случаях документов у погибших не бывает. Но у этого оставили и его справку, и водительские права. Мы связались с управлением и выяснили, что вы работали с этим типом. Поэтому мы и решили вызвать вас, чтобы вы опознали его.

– Это Афанасий Сергеевич Степанович, – устало сказал Цапов, – его арестовали в прошлом году. – Он выпрямился. – Второго я не знаю, но думаю, что один из его компаньонов. Или его водитель. Может, охранник. Нужно проверить, если у него остались документы, я думаю, сделать это будет нетрудно.

– Начнем проверять, – вздохнул Семечкин. – Может, возьмете себе эти убийства? У меня и без них дел полно. А прокуратура еще и эти данные внесет в отчетность за этот месяц. Сегодня же тридцатое число, испортим все показатели управления. Мне за это голову оторвут.

– Это не мое дело, – усмехнулся Цапов, – такие вопросы я не решаю.

– Знаю, знаю, – недовольно сказал Семечкин. – Ладно, спасибо вам, подполковник. Будем разбираться сами. Вы знаете, что мы еще нашли у убитого? Вместе со справкой об освобождении у него был новенький паспорт. А ведь справку ему выдали вместо паспорта, который он еще должен был получить.

– Купил, наверно, – хмуро сказал подполковник, – сейчас это нетрудно.

– Придется еще разбираться и с этим паспортом, – обреченно махнул рукой Семечкин.

– Оружия не нашли?

– Думаю, если хорошо поищем, то где-нибудь недалеко найдем и оружие, из которого их убивали. Обычно используют наши «калашниковы» и «ТТ». Мы их так и называем – «пистолетами киллеров». И чего только он вышел из тюрьмы так быстро? – кивнул на убитого полковник. – Если бы сидел, может, еще был бы жив.

– А я думал, что Степановичу сидеть не меньше десяти лет, а он уже через год вышел... Наверно, у нас не очень четко действуют законы. Как вы считаете?

– Что? – не понял Семечкин.

– Ничего. Я больше не нужен?

– Нет, спасибо. Сейчас сотрудники прокуратуры закончат, и мы увезем тела. У вас есть версии о мотивах преступления?

– Какие версии, – поморщился Цапов. – Он отвечал за переброску крупной партии наркотиков через Среднюю Азию. Операция сорвалась, товар был конфискован. Сейчас его, наверно, и вытащили из тюрьмы для подобных мероприятий. Черт бы нас всех побрал! Это как гидра, одну голову отрубает, две новые вырастают.

Он повернулся и пошел к автомобилю.

– Подождите, – крикнул вслед Семечкин, – вы не сказали еще, кто именно мог это сделать?

– Не сказал? – Цапов повернулся, пожал плечами. Дождь уже кончился, и он поправил воротник плаща. – А какая, собственно, разница? Все равно он был обречен. Я ему об этом говорил.

Цапов открыл дверцу, сел в машину. И, уже уткнувшись подбородком в руль автомобиля, задумчиво смотрел, как увозят тела убитых. И лишь когда машина «Скорой помощи» уехала, подполковник неспешно повел автомобиль в сторону города.

Глава первая

Самолет плавно пошел на посадку. Он посмотрел в иллюминатор. Внизу мелькал привычный ландшафт. Исмаил Махмудбеков вздохнул, взглянул на часы. Его будут встречать в аэропорту, как всегда, подъехав к трапу самолета. Полет прошел нормально, рейс авиакомпании «Трансаэро» подходил к концу. Он вызвал стюардессу.

– Принесите стакан воды, – строго попросил он.

Девушка привычно улыбнулась и поспешила выполнить его просьбу. Он всегда летал бизнес-классом по этому маршруту, и многие стюардессы знали его в лицо. Мощный, широкоплечий, с большим выпуклым лысым черепом, он сразу запоминался. Короткие сильные руки, упрямый подбородок, тонкая линия губ. Махмудбеков был преуспевающим бизнесменом, широко известным не только на родине в Чечне, но и в сопредельных государствах. Его частые визиты в Москву, Санкт-Петербург, Киев, Баку, Тбилиси, Стамбул и Тегеран не были ни для кого секретом. Офисы его компании располагались в трех городах – Москве, Стамбуле и Баку. Четвертый офис «торговой» компании сгорел во время чеченской войны, но Махмудбеков твердо обещал восстановить его в прежнем виде.

Но подлинная его деятельность оставалась неведомой для многих. На самом деле Исмаил Махмудбеков возглавлял мощную организацию, занятую переброской наркотиков. И эта деятельность и была главной и определяющей для его компании и ее многочисленных сотрудников.

Стюардесса вернулась, и он жадно выпил прохладную воду. Снова посмотрел на часы. Он никогда не летал в одиночку. В салоне экономкласса сидели двое его телохранителей, которые сдали оружие в Баку, оставив пистолеты сопровождающим рейс охранникам. Махмудбеков привычно проходил со своими людьми через депутатские комнаты, где, как правило, не досматривали входивших и сопровождающих.

Он достал мобильный телефон, набрал номер. Дождался, когда ему ответят.

– Как дела, Слава? – спросил Махмудбеков.

– Мы уже в аэропорту. Сейчас объявили, что ваш самолет садится через несколько минут.

– Это я и без них знаю, – усмехнулся Махмудбеков и убрал телефон.

Чтобы исключить любую неожиданность, в аэропорту Шереметьево-один Исмаила Махмудбекова обычно встречали у трапа самолета. В комнату официальных делегаций заранее передавалась заявка. Затем два или три человека приезжали на встречу. Одному разрешали выехать к самолету в сопровождении пограничника и представителя аэропорта. Встречавший был вооружен и всегда имел при себе чемоданчик с оружием, который сразу передавался телохранителям Махмудбекова, как только они оказывались внизу.

Но в этот раз, кроме телохранителей, привычно расположившихся в первом ряду второго салона, вместе с коммерсантом летела его дочь Ирада. Девочка училась в Стамбуле, куда отец отправил ее во время войны, подальше от творившегося вокруг ужаса, еще пять лет назад. За эти годы Ирада из длиннноногого подростка превратилась в симпатичную молодую девушку, которой едва минуло семнадцать и которая выглядела удивительно взрослой, несмотря на свой юный возраст. Она не догадывалась, чем занимается отец, а он старательно скрывал от нее свое настоящее «дело».

Девочка, рано потерявшая мать, воспитывалась у его сестры, и в последние годы он видел дочь лишь во время своих визитов в Стамбул. Он давно обещал взять ее с собой в Москву и теперь, воспользовавшись случаем, взял дочь сначала в Баку, куда они прилетели из Стамбула, а вот теперь и в Москву. Сейчас он вдруг мрачно подумал, что не стоило брать Ираду именно в этот раз, когда должны были состояться столь сложные переговоры. Именно поэтому, в тот

момент, когда самолет пошел на посадку, он посмотрел на дочь и, нахмурившись, коротко приказал:

– Застегни ремни.

Лайнер уже выпустил шасси. Показалась бетонная полоса. Обычно самолеты снижались таким образом, что в иллюминаторы было видно здание другого международного аэропорта – Шереметьево-два, что всегда несколько смущало новичков, уже известивших родных и близких о прибытии в Шереметьево-один. Однако затем лайнер набирал скорость и почти как автобус довез пассажиров до здания другого аэропорта.

Махмудбеков снова посмотрел в иллюминатор. Еще не успели подать трап, когда к самолету подъехал автобус, обслуживающий гостей зала официальных делегаций. В окне автобуса мелькнуло строгое лицо миловидной девушки-пограничника. За ней быстро вышел знакомый сотрудник «фирмы», уже державший в руке привычный чемоданчик. Он сделал несколько шагов к самолету, вставая рядом с трапом.

Двое телохранителей Махмудбекова привычно быстро вышли из второго салона, застыв рядом с его креслом. Стюардесса попыталась улыбнуться.

– Вернитесь на свои места, – предложила она, но осеклась, заметив холодные маски-лица обоих. Она вернулась на свое место, уже не пытаясь помешать этим двоим нарушать сложившийся порядок выхода из самолета. Махмудбеков тяжело поднялся из кресла.

– Пора, – коротко сказал он дочери.

Она улыбнулась. В семнадцать лет все кажется прекрасным, тем более визит в Москву, где она не была уже несколько лет. Один из телохранителей прошел вперед и, встав у выхода из самолета, поздоровался с приехавшим за ними. Тот улыбнулся, показывая великолепный оскал белых зубов.

– Все в порядке? – спросил по-русски стоявший внизу.

– Да, – ответил ему телохранитель и первым стал спускаться по трапу.

Сойдя вниз, он тут же взял чемоданчик. И теперь у трапа стояли уже двое вооруженных людей. Махмудбеков, тяжело дыша, вышел из самолета. Он всегда немного задыхался в ограниченном пространстве, но при его ритме жизни приходилось часто летать самолетами. Дочь вышла за ним. Замыкал шествие второй телохранитель. Они спустились и привычно быстро прошли к стоявшему рядом с самолетом автобусу, прибывшему специально за ними.

В этом самолете других высоких гостей не было, и девушка-пограничник вошла в автобус, сухо спросив:

– Больше никого нет?

– Никого, – отозвался приехавший за Махмудбековым человек, – все четверо здесь.

– Приготовьте ваши паспорта, – сказала девушка, когда автобус тронулся.

Они подъехали к зданию аэровокзала. Махмудбеков тяжело проследовал в зал официальных делегаций. Встречавший шел за ним.

– Все в порядке, Кязим? – спросил Махмудбеков.

– Они подтвердили, что готовы начать переговоры, – коротко сообщил Кязим, – говорят, что готовы взять на себя всю реализацию нашей продукции.

– Как будут платить? Сразу или частями?

– Об этом мы еще не говорили, – чуть виновато сказал Кязим, – мы ждали вас.

– Хорошо, – кивнул Махмудбеков. – Проследи за багажом, – приказал он одному из телохранителей.

Еще двое встречали их в самом зале. Один невысокого роста, подвижный, гибкий, светловолосый, в вельветовых брюках и легкой темной куртке. Увидев приехавших, он шагнул к ним.

– Добрый день, – поздоровался он первым.

– Здравствуй, Слава, – чуть усмехнулся Махмудбеков, протягивая ему руку. – Познакомься, это моя дочь.

– Ваш отец много о вас рассказывал, – склонил голову в легком поклоне Слава, не протягивая ей руки. Он знал, что в этой среде здороваться с женщинами за руку не принято.

Вячеслав Стольников работал с Исмаилом Махмудбековым уже несколько лет. Это было не просто сотрудничество. Бывший офицер милиции, осужденный в восемьдесят третьем году, Стольников вышел на свободу в восемьдесят девятом, не имея ни друзей, ни знакомых, ни близких. Его молодая супруга к этому времени уже успела выйти замуж второй раз и даже настоять на изменении фамилии своей дочери, которая не должна была носить фамилию «уголовника» Стольникова.

Бывший капитан милиции оказался на свободе без связей и без денег. В стране стремительно набирало силу кооперативное движение. Появлялись первые миллионеры, правда, еще только рублевые. Стольников заперся в комнате, где раньше жила его старуха-мать, так и не дождавшаяся сына. И начал пить. Он бы неминуемо оказался на самом дне, если бы не родственник Исмаила Махмудбекова, с которым он вместе сидел в колонии под Нижним Тагилом.

По строгим правилам, существовавшим в системе исправительно-трудовых заведений Советского Союза, бывших офицеров милиции, прокуроров и работников КГБ нельзя было отправлять в обычные колонии, где они могли встретиться лицом к лицу с теми, кого отправляли в подобные заведения. Только поэтому Стольников и родственник Исмаила Махмудбекова, бывший прокурор, проколовшийся на крупной взятке, оказались в одной колонии, где подружились.

Именно бывший прокурор нашел Вячеслава Стольникова в Москве и предложил ему работу. К тому времени все иллюзии Вячеслава окончательно развеялись. Стольников сам сидел за взятку и знал, что путь в органы ему закрыт навсегда. Он сразу согласился на все условия. В колонии он узнал то, чего не мог узнать в обычной жизни, даже будучи сотрудником уголовного розыска. К тому же на следствии и суде он упрямо отрицал свою вину, вызывая понятное раздражение у следователей и судей. Именно поэтому ему «вкатили» все двенадцать лет, половину из которых он отсидел в колонии.

Но зато Исмаил Махмудбеков получил настоящего «волка», ничего и никого не боявшегося. Вся Москва знала о том, что Стольников работал на Махмудбекова. Он был беспощаден к конкурентам, которых истребляли самыми разными способами. Любой, кто осмеливался встать на пути хозяина, неминуемо получал пулю в голову, как напоминание другим об осторожности в отношениях с организацией Махмудбекова. Вячеславу пригодился опыт бывшего сотрудника уголовного розыска. К тому же после развала страны из органов стали увольнять тысячи профессионалов КГБ и МВД, часть из которых и пополнила отряды боевиков, так лихо орудующих на улицах городов России и стран СНГ.

В зале, куда вошли гости, их почти не задержали. Проверка паспортов не заняла много времени. Махмудбеков стал спускаться по внутренней лестнице к выходу. Телохранители и Кязим поспешили за ним. Дочь легко сбежала по ступенькам. Стольников столь же легко спустился следом.

На улице уже стояло два традиционных «Мерседеса» с затемненными стеклами. И большой джип. Чуть в стороне стояла машина Стольникова. Он предпочитал «БМВ» другим автомобилям. При этом он сам разработал систему охранной сигнализации, которая оказалась куда изощреннее и опаснее, чем все остальные. В Москве к этому времени нельзя было оставлять без присмотра новые машины, особенно иномарки. Никакие устройства не спасали машину от угона. Именно поэтому Стольников разработал собственную систему безопасности, при которой похитителя, забравшегося в его автомобиль и пытавшегося завести машину, сразу ударял сильный разряд тока, после которого человек либо терял желание прикасаться к рулю, либо вообще оставался на месте. Двоих незадачливых воришек, получивших сильный шок от подоб-

ной охраны, Стольников лично извлек из машины. После чего его «БМВ» стали обходить стороной. Похоже, у автомобильных угонщиков была своя система оповещения.

Правда, в городе уже сложилась четкая структура взаимоотношений. Нельзя было трогать машины, принадлежавшие членам преступных группировок. В таком случае на похитителя весьма быстро выходили и, кроме возврата машины, ему приходилось платить и довольно крупный «штраф».

Махмудбеков уверенно прошел к первому «Мерседесу». У следовавшего за ним Стольникова вдруг зазвонил мобильный телефон. Тот достал аппарат. Махмудбеков от неожиданности чуть вздрогнул, обернувшись к помощнику.

– Слушаю, – сказал Стольников.

Очевидно, ему сказали нечто неприятное, он нахмурился и коротко приказал:

– Ничего не делайте, сейчас я приеду.

– Что случилось? – спросил у него Махмудбеков, усаживаясь на заднее сиденье «Мерседеса».

– Звонили с Курского вокзала. Там у нас на складе часть товара. Говорят, что приехала санэпидемстанция и требует вскрытия склада, – наклонился к нему Стольников.

Ирада уже сидела рядом с отцом в его роскошном автомобиле.

– При чем тут санэпидемстанция? – нахмурился Махмудбеков. – Какое они имеют к нам отношение?

– У нас часть товара оформлена как поставка продуктов из Пакистана, – терпеливо напомнил Стольников, – поэтому они и приехали. Говорят, что мы нарушаем сроки хранения.

– Мне это не нравится, – покачал головой Махмудбеков. – Кто отвечает за эти склады?

– Кязим, – обернулся на другого помощника Стольников.

Тот подошел ближе.

– Что случилось? – спросил он.

– У нас неприятности на Курском вокзале, – коротко сказал Стольников, – нам нужно срочно поехать туда.

– Правильно, – кивнул Махмудбеков, – выезжайте, я вас буду ждать на даче. Только не нужно лишнего шума. Постарайтесь с ними договориться.

Стольников подозвал к себе одного из телохранителей.

– Остаешься за старшего, Джафар, – приказал он и поспешил к своему «БМВ». За ним побежал и Кязим.

Махмудбеков, глядя, как они спешат к машине, покачал головой. Ему очень не нравился этот внезапный визит санэпидемстанции именно в день его прилета. Нужно будет узнать, кто именно их послал, нахмурился он, недовольно морща губы.

– Единственный человек – не чеченец, – сказал он дочери, показывая на Стольникова, – которому я доверяю так же, как и нашим.

В машины уже рассаживались его телохранители. Джафар сел в их «Мерседес» рядом с водителем. Первым со стоянки выехал «Мерседес», в котором сидели четверо боевиков. Вторым выехал «Мерседес», в котором находились сам Махмудбеков, его дочь, Джафар и водитель. И наконец, за ними тронулся джип также с четырьмя сопровождающими. Построившись колонной, автомобили выехали на шоссе. К этому времени серебристый «БМВ» Вячеслава Стольникова уже скрылся из виду.

Когда машины отъехали, стоявший у стойки бара рядом с выходом из депутатской комнаты молодой человек достал мобильный телефон.

– Они выехали, – коротко доложил он, – все по плану.

– Выезжай следом, – приказали ему.

Молодой человек сунул телефон в карман и поспешил на платную стоянку, где его уже ждала «девятка» с сидевшим в ней водителем.

– Поехали, – быстро приказал молодой человек, – держись за ними.

Глава вторая

Стольников выжимал из своего «БМВ» более ста километров в час. Сидевший рядом Кязим угрюмо глядел перед собой, ни о чем не спрашивая. Первым заговорил Стольников.

– Как это могло получиться? – спросил он.

– Не знаю, – мрачно пожал плечами Кязим, – ничего не понимаю. Какая проверка? Откуда они вообще свалились на нашу голову?

– Мы работаем там несколько лет, и до сих пор никаких проверок не было, – напомнил Стольников, не отрывая взгляда от дороги.

– Платили всегда исправно, – снова пожал плечами Кязим.

– А сейчас не заплатили?

– Конечно, заплатили. Мы всем платим. И охране, и вокзальному начальству, и линейной милиции, и прокуратуре, и ФСБ – всем платим, – так же мрачно продолжал Кязим, – только своих забываем.

– Что ты хочешь сказать? – искоса взглянул на него Стольников.

– Ничего. Мои ребята до сих пор получают по одному куску. Сейчас в Москве на такую зарплату уже не берут даже девочек-секретарш. Я сколько раз просил прибавить, но хозяин говорит, что им и этого хватит.

– Правильно говорит, – рассудительно заметил Стольников, – у тебя два десятка алкашей, которые свои деньги тут же пропивают. Можно подумать – твои грузчики МГУ кончали. Обычная рвань, которую ты собирал с вокзалов. Ну, может, чуть более устойчиво на ногах держатся. И им платить больше нельзя. А тебе и твоим охранникам платят хорошо. Ты ведь на проценте сидишь.

– Я не про себя говорю, – огрызнулся Кязим. У него было острое, немного вытянутое лицо, большой нос с горбинкой и пышные черные усы.

– Знаю, про кого ты говоришь, – лениво процедил Стольников, – ты ведь с каждого из своих ребят дополнительно долю имеешь. Мне говорили, что половину всех денег у них отбираешь.

– Кто говорил? – вскипел Кязим. – Голову оторву! Я их кормлю, пою, разрешаю жить прямо на складах, а они еще жалуются. Да если бы не я, они бы все под заборами подошли.

– Ну вот видишь, – добродушно заметил Стольников, – ты сам и подтвердил, какие у тебя работники. Так чего ты жалуешься?

Кязим замолчал, обиженно засопев. Потом не выдержал:

– Не люблю я твоих милицейских штучек, Слава. Очень они подлые. Ты как будто ничего не говоришь, а стоит чуть проболтаться, и ты сразу человека на крючок ловишь. Подлая у тебя профессия была.

– Это не тебе судить, – строго заметил Стольников, резко поворачивая автомобиль. – Ты когда платил в последний раз?

– Два дня назад.

– Точно платил?

– Конечно. Там новый начальник «сел» на склады. Моржиков. Такая сволочь. Попробуй ему не заплати, сам к тебе приедет за своими деньгами.

– Тогда откуда появились эти «санитары»?

– Черт его знает. Может, у них плановая проверка, – с сомнением в голосе протянул Кязим.

Следующие двадцать минут они молчали. Лишь когда подъезжали к складским помещениям, Кязим чуть неуверенно сказал:

– Может, сначала в контору заедем, к Моржикову? Узнаем все у него.

– Сначала проверим, что там на складах творится. Какой-нибудь «санитар» залезет на склад, потом придется все мешки вывозить, – резонно заметил Стольников.

Они миновали несколько вытянутых длинных строений, приспособленных под склады. Стольников резко затормозил у одного из них. Ворота были широко открыты, а рядом никого не было.

– Странно, – удивился Стольников. – Где твои грузчики?

– Не знаю, – Кязим оглянулся. – Может, где-то рядом.

– А почему ворота открыты? – хмуро спросил Стольников, проверяя оружие.

В самом складе имелось небольшое помещение, находившееся в глубине, где и лежала основная партия ценного товара. Все остальные мешки и коробки громоздились здесь лишь для отвода глаз, чтобы не вызывать ненужных подозрений.

Стольников вышел из автомобиля, оглянулся. Никого не заметил, и это его насторожило еще больше. Следом вышел Кязим, вынимая оружие. Он нервно оглянулся по сторонам.

– Куда они пропали? – тихо спросил он, прибавив грязное ругательство.

Стольников осторожно подошел к складу. Прислушался. Внутри было тихо. Он обернулся, поманив Кязима.

– Приготовь оружие, – шепотом сказал он, – я сейчас попробую войти.

– С ума сошел, – задыхаясь, прошептал Кязим, – здесь же рядом полно людей. Стрельбу устроить хочешь? Сюда вся милиция города приедет. Все знают, что это мой склад.

– У тебя здесь десять грузчиков, – показал на склад Стольников, – ворота открыты, и никого нет. Думаешь, это случайность?

Послышались чьи-то уверенные шаги. Стольников прислушался. К ним кто-то спешил. Двое. Кажется, двое или трое. Он заглянул внутрь. Один из подходивших был в белом халате. В руках он держал длинную коробку, словно футляр от гигантского градусника.

– Я же говорил санитары, – улыбнулся Кязим, показывая на подходивших.

– Это ваш товар? – грозно спросил первый из них.

– Да, – улыбнулся Кязим, и в этот момент «санитар» в белом халате вдруг бросил коробку, выхватив из нее автомат.

Стольников толкнул Кязима на землю. Упал и сам как раз в тот момент, когда над его головой просвистела автоматная очередь. Он перекатился, доставая оружие. Сказалась немалая практика. Почти не целясь, он несколько раз выстрелил в «санитара». Тот отлетел к мешкам и сполз на цементный пол. Двое остальных достали пистолеты, начав беспорядочную стрельбу по Кязиму и Стольникову.

Кязим лежал не двигаясь. Стольников несколько раз выстрелил по нападавшим и увидел, как к его автомобилю бегут еще несколько человек. Он сделал еще два выстрела, оставляя в запасе всего один патрон, после чего вскочил и бросился бежать к соседнему складу. Ворота здесь были закрыты. Он побежал дальше, слыша, как в него стреляют, повернул за угол и увидел небольшой склад. На дверях его висел замок. Он оглянулся. Нападавшие уже были близко. Времени на раздумья не оставалось. Он поднял пистолет и выстрелил в замок. Последний патрон. Ударил ногой дверь и вбежал в помещение. Он несколько отсрочил свою гибель, но теперь у него кончились патроны и пистолет в его руках оказался всего лишь бесполезной игрушкой. Запасные обоймы обычно находят только в приключенческих фильмах, в реальной жизни никто и никогда не носит подобные игрушки в кармане. Достаточно иметь пистолет, чтобы чувствовать себя в безопасности. Никому и в голову не придет, что придется отстрелять две обоймы, словно на стрельбище.

Стольников услышал, что на склад вбежало несколько человек. Он стоял за мешками и отчетливо услышал чей-то незнакомый голос:

– Найдите его! Обязательно найдите. Чтобы он отсюда живым не ушел.

«Кто это такие? – подумал Стольников. – На милицию или ФСБ не похоже. Если конкуренты, то почему сразу начали со стрельбы? Как будто именно нас и ждали».

Он услышал близкие шаги и поспешил отойти в глубь склада.

– Быстрее! – торопил людей все тот же голос. – У нас мало времени.

Стольников посмотрел по сторонам. Несмотря на свои тридцать девять, он сохранял хорошую физическую форму. Подтянувшись, он забрался наверх, устраиваясь на штабеле мешков. И сразу же замер: совсем рядом пробежали двое с пистолетами в руках.

– Его нигде нет, – слышался чей-то растерянный голос.

– Может, он забежал не сюда? – спросил другой.

– Сюда, – уверенно сказал первый, – я сам видел, что сюда.

– Черт с ним, – закричал боевик, стоявший у дверей склада, – у нас мало времени. Нужно уходить. Потом найдем...

– А если он позвонит? – спросил первый.

– Не позвонит, – уверенно сказал главный, – сейчас я скажу, чтобы отключили его телефон.

Телефон, вспомнил Стольников, доставая свой мобильный аппарат. Он должен срочно позвонить Махмудбекову, сообщить ему о внезапном нападении. Он начал быстро набирать номер. Стоявший у входа в склад также одновременно с ним набирал другой номер. Стольников, боясь опоздать, прижал трубку к уху.

«Быстрее, – молил он, – быстрее соединяйся!»

Незнакомец также закончил набор и поднял телефон.

– Алло, – приглушенным голосом сказал Стольников, услышав, как ему ответили.

– Это я, – сказал одновременно с ним нападавший, звонивший, очевидно, человеку, имеющему отношение к компании мобильных телефонов. – Мы на складе, – добавил он.

– Кто говорит? – не сразу понял Махмудбеков.

– Там какой-то шум, – показал в сторону Стольникова один из нападавших.

– На нас напали, – быстро сказал Стольников, – на наши склады напали.

– Что? – не понял Махмудбеков.

– Он наверху, – уверенно закричал кто-то, показывая в сторону Стольникова.

– У нас все в порядке, – тем временем докладывал старший, – отключайте его телефон. Да, мы его загнали в угол, но он может успеть позвонить.

– Кто напал? – не понимал Махмудбеков. Стольников вынужден был говорить приглушенным голосом. К нему уже спешили боевики.

– На нас напали. На складе была устроена засада. Будьте осторожны, – прокричал он, но ему уже никто не отвечал. Очевидно, аппарат успели отключить. Он с раздражением отшвырнул бесполезную трубку и, перекатившись по мешкам, спрыгнул с другой стороны штабеля.

Они еще не догадывались, что у него кончились патроны. Поэтому и боялись подходить близко. В том месте, где он только что лежал, выстрелы подняли целое облако мучной пыли.

– Полезай наверх и посмотри, как он там, – предложил кто-то.

– Да на кой черт он нам нужен! – рассудительно сказал другой. – Живой или раненый, какая разница? Сам подойдет.

– У тебя граната осталась? – спросил первый. – Давай ее мне. И все уходите отсюда. Сейчас я ему настоящую войну устрою.

Стольников, услышав про гранату, быстро побежал в глубину склада. Скрипнули закрывающиеся двери, граната шлепнулась в то место, где до этого лежал на мешках с мукой Стольников. В последний момент он упал на пол, закрывая голову руками. Раздался взрыв. На него упало что-то тяжелое, больно ударив по спине. Потом воцарилась тишина.

– Все, – удовлетворенно сказал один из нападавших, – теперь он точно готов.

– Давай достанем его, – предложил другой, более настырный.

– Кому он нужен! Все равно через час мы покончим и с его хозяином.

Стольников поднял голову. «Покончим с его хозяином...» Значит, нападение было спланировано заранее. Готовилась акция по устранению Исмаила Махмудбекова. Они, очевидно, знали, что он сегодня прилетает в Москву. Стольников попытался встать. Нестерпимо болела спина. Он сделал еще одну попытку, опасаясь не почувствовать своих ног. Со спины свалился какой-то ящик. Ему с трудом удалось подтянуть ноги, подняться и сесть прямо на полу, прислонившись к стене. Спина болела все сильнее. Видимо, тяжелая коробка упала ему прямо на позвоночник.

Они все знали заранее, снова подумал он. Про склады, про систему охраны, про приезд хозяина. Все знали заранее и все четко спланировали. Даже узнали номер его мобильного телефона и компанию, к которой тот был подключен. Они слишком много знали, усмехнулся он, морщась от боли.

Нужно идти, они сказали, что через час покончат с хозяином. Значит, через час на него нападут. Нужно добраться до первого же телефона и срочно позвонить. Он боялся, что Махмудбеков ничего не понял из его бессвязного доклада. Стольников попытался подняться, опираясь о стену. Боль ударила ему прямо в мозг. Он поморщился и сделал вторую попытку. На этот раз ему удалось встать. Левая нога сильно дрожала, но он старался не обращать на это внимания.

Он с трудом сделал несколько шагов к выходу. Наверно, Кязим либо убит, либо тяжело ранен, вспомнил он о своем напарнике. Оставалась еще надежда, что нападавшие не тронут его «БМВ». Все-таки испытанная система защиты. Правда, не рассчитанная на откровенное нападение бандитов. Опираясь о стенку, он подошел к выходу. Осторожно посмотрел во двор. Вроде никого... Здесь людей не удивляла частая стрельба. Она стала вообще обычным явлением не только для Москвы, но и для многих других городов и поселков огромной страны. Он попытался открыть ворота, но почувствовал резкую боль в спине, когда стал двигать тяжелую створку. Понимая, что не сможет распахнуть ворота, действуя лишь руками, он сделал еще один шаг, обернулся и, встав спиной к воротам, толкнул их всем телом. Они тяжело подались.

Стольников едва не упал. Когда ворота наконец открылись, он снова посмотрел вокруг. Никого. Он сделал еще один шаг и упал словно подрубленный. Закрыв глаза, услышав чьи-то шаги.

«Ну и черт с ней», – подумал Стольников про свою жизнь.

Он открыл глаза, чтобы увидеть лицо убийцы. Над ним наклонился какой-то старик с седой щетиной. Испуганные глаза смотрели на Стольникова.

– Что здесь случилось? – спросил старик.

Стольников обессиленно закрыл глаза. Это явно не убийца.

– Нападение на склады, – прошептал он. – Ты кто такой?

– Я здесь сторож, – расхрабрившись, сказал старик. – Это за тобой гнались? Тебя хотели убить?

– Меня, – выдохнул Стольников.

– Живучий ты, – улыбнулся сторож, – значит, сто лет жить будешь.

– Запиши номер, – попросил Стольников, – и срочно передай...

– Какой номер? – не понял старик. – Тебе помочь нужно. Загнешься ведь совсем.

– Номер, – упрямо повторил Стольников, – запиши номер и срочно позвони.

Старик понял, что происходит нечто чрезвычайно важное. Он достал карандаш, вытащил какой-то блокнот. Наклонился еще ближе.

– Какой номер? – спросил он.

Стольников назвал все цифры по одной. Сторож все исправно записал.

– Срочно передай, – снова попросил Стольников, – передай, чтобы уходили с дачи. Через час на нее нападут.

– Нападут, – записал и эти слова старик, потом с любопытством посмотрел на лежавшего перед ним, – а кому передать?

– Исмаилу Махмудбекову, – в который раз закрыл глаза Стольников, – скажи, что звонишь по поручению Славы. Запомнишь? От Славы.

– Давай сначала я тебя куда-нибудь перенесу, – предложил сторож, – нельзя тебе здесь оставаться. Они могут вернуться и найти тебя.

– Беги звонить, – упрямо повторил Стольников.

– А ты здесь останешься? – спросил сторож.

– Беги, – у него уже не было сил на споры.

– Хорошо, хорошо, – заторопился старик, – давай только я тебя в соседний склад перенесу. У меня и ключи есть. Я тебя там оставлю, чтобы никто, не дай бог, не тронул... И на ключ закрою, чтобы не догадались.

Он наклонился и попытался поднять Стольникова. Тот застонал от боли. Старик, изловчившись, просунул руки под мышки и легко поднял неподвижное тело.

– Потерпи, потерпи, родимый, – как маленького просил он Стольникова.

Старик оказался крепким и жилистым. Он донес Вячеслава до ближайшего склада, бережно прислонил его к стене. Достал ключи, открыл ворота. И, снова подняв Стольникова, внес его внутрь.

– Я быстро... – пообещал сторож, – позвоню и вернусь. Может, в милицию позвонить?

– Не нужно, – прошептал Стольников.

Старик с интересом посмотрел на него.

– Как знаешь, – рассудительно сказал он, – воля твоя.

Он закрыл дверь и поспешил куда-то. Только бы он успел, подумал Стольников, только бы успел позвонить.

Глава третья

Автомобили въехали в дачный поселок, соблюдая строгий порядок. Огромная квартира Махмудбекова на Мичуринском проспекте все еще перестраивалась по плану, утвержденному самим хозяином. Несмотря на роскошные семикомнатные апартаменты, хозяин посчитал, что их ему будет недостаточно, и, прикупив соседнюю квартиру из четырех комнат, начал все это перестраивать. Строители твердо обещали закончить через два месяца. Но даже если бы и не это, то и тогда бы он поехал на дачу. Летом в Москве душно, и ему больше нравилось на даче, напоминавшей своими размерами небольшую крепость феодала средней руки. Кроме основного здания на двенадцать комнат, здесь были и два флигеля для охраны и прислуги. Большой крытый бассейн и роскошная сауна дополняли удобства.

На даче их уже ждали. Когда они подъехали к крыльцу, рядом с ним стояло несколько человек, в том числе выделявшаяся своей сухой, подтянутой фигурой женщина лет пятидесяти. У нее были тонкие, правильные черты лица, правда, подбородок чуть тяжеловат. Эта была домоправительница всего хозяйства, Светлана Михайловна. Раньше она работала в НИИ, занимаясь проблемами выплавки стали, и даже успела защитить кандидатскую диссертацию. Познакомились они с Махмудбековым больше десяти лет назад. Злые языки даже утверждали, что тогда между ними существовали более тесные отношения. Однако ничего конкретнее узнать не удавалось. Махмудбеков был вдовцом, а его домохозяйка числилась в разводе.

Она согласилась работать у него еще в начале девяностых, когда перспективы научные работники почти не имели, а на зарплату кандидата наук можно было один раз пообедать в ресторане. У нее было двое детей, и Махмудбеков сразу назначил ей фантастический по тем временам оклад, существенно улучшивший ее материальное положение. Однако с этого дня между ними установились исключительно деловые отношения. Светлана Михайловна оказалась прекрасной домохозяйкой и жестким руководителем. Теперь за свой московский дом и дачу Исмаил Махмудбеков мог быть абсолютно спокоен.

Выйдя из автомобиля, он кивнул женщине, улыбнувшись. Она также улыбнулась в ответ, зная, что он, как и все кавказские мужчины, не любит здороваться с женщинами за руку. При каком-либо торжественном случае он, правда, мог позволить себе поцеловать ей руку.

– Здравствуйте, Светлана Михайловна, – коротко сказал он. При людях он всегда обращался к ней по имени-отчеству.

Следом за ним из машины выпорхнула длинноногая девочка, с любопытством осматривающаяся вокруг.

– Неужели Ирада? – всплеснула руками Светлана Михайловна, подходя ближе.

– Она, – улыбнулся Махмудбеков, легонько подталкивая дочь, – узнаешь девочку?

– Какая взрослая стала, – засмеялась Светлана Михайловна, обнимая девушку. – Ну, здравствуй, дорогая. Наверно, совсем забыла меня... Сколько лет ты не была в Москве?

– Не забыла, – тихо сказала девушка. По-русски она говорила хорошо, но с мягким восточным акцентом.

– Пойдем, пойдем в дом, – увлекла ее за собой Светлана Михайловна.

Махмудбеков прошел следом. Охранники вытаскивали чемоданы и вносили их в дом. Он прошел в большой холл, подозвал неотступно следующего за ним Джафара.

– Как только приедет Слава, пусть зайдет ко мне, – приказал он и поднялся к себе в спальню.

Он уже снял пиджак и галстук, когда в дверь комнаты постучали.

– Да, – крикнул он.

В комнату вошла Светлана Михайловна. Плотно прикрыла дверь.

– Как дела, Исмаил? – спросила она.

– Ничего, – кивнул он ей. – Ты последи за девочкой. Она столько лет в Москве не была. У меня будет много дел в городе, я не успею с вами поездить. Возьмите машину и езжайте там куда нужно, в магазины или куда-нибудь еще. В общем, сама знаешь.

– Найдем куда, – улыбнулась она, – обед уже готов. Есть будете?

– В самолете кормили, – сказал он, – давай немного попозже. Как здесь, все в порядке?

– Да, конечно. Слава просто незаменимый человек, – сказала Светлана Михайловна, – он один стоит всех твоих людей.

– Это правда, – недовольно сказал Махмудбеков, – он умнее их всех. Никому ничего нельзя поручать. Сегодня опять какие-то неприятности у Кязима. Я сказал, чтобы они, как только приедут, поднимались ко мне.

– Я предупрежу.

– Подарки я тебе привез, – сказал вдруг Махмудбеков. – Небольшой сувенир из Турции.

– Опять? – вздохнула женщина. – Знаю я твои небольшие подарки.

Он улыбнулся, подходя ближе.

– Почему ж ты тогда не вышла за меня замуж? – спросил он.

– Ты вспомни, сколько нам лет было. Почти под сорок. У меня уже дочь на выданье была. Хороша бы я была в фате, – усмехнулась Светлана Михайловна. – Я ведь тебе говорила тогда, что, если стану на тебя работать, – все, наши отношения кончатся.

– Помню, – невесело сказал Махмудбеков, – все помню. Я думал, ты всегда рядом будешь.

А ты...

Он сделал еще один шаг и привлек к себе женщину, пытаясь поцеловать ее.

– Тогда я уйду, – спокойно сказала она, глядя ему в глаза.

Он разжал объятия, и в этот момент зазвонил телефон. Он поморщился, взглянув на аппарат, лежавший на столике. Телефон продолжал звонить. Он повернулся и подошел к столику.

– Слушаю, – недовольным голосом сказал он.

– Алло, – сказал кто-то, словно закрывая трубку рукой.

– Кто говорит? – разозлился Махмудбеков, не понимая, кто мог позвонить ему по личному мобильному телефону.

– На нас напали, – донесся до него голос и снова повторил: – на наши склады напали.

– Что? – не понял Махмудбеков, еще не узнавая голос Стольников.

Пока он четко расслышал только одно слово – «напали» и поэтому переспросил:

– Кто напал?

– На нас напали... На складе была устроена засада, – закричал ему позвонивший, и Махмудбеков наконец понял, что это звонит Слава Стольников. Тот пытался сказать еще какую-то фразу, даже прокричал что-то вроде: – Будь... – но разговор неожиданно оборвался.

– Черт возьми, – разозлился Махмудбеков. Он надеялся, что Стольников позвонит еще раз. Взглянул на женщину.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

– Какие-то неприятности на складе. Приехала комиссия, – он все еще ждал звонка Стольникова. Минуты тянулись медленно. Он нахмурился, оставил мобильный телефон на столе и, подойдя к обычному телефону, набрал номер Стольникова. Подождал, пока произойдет соединение. Но вместо этого услышал приветливый женский голос, извещавший о том, что телефон данного абонента отключен. Он с раздражением бросил трубку на рычаг.

– Там что-то случилось, – нервно сказал он, – позови Джафара, пусть возьмет людей, съездит туда и все выяснит.

– Хорошо, – она знала, если он нервничает, все нужно делать быстро и четко. Поэтому, не задавая лишних вопросов, повернулась и вышла из комнаты.

Он недовольно посмотрел на мобильный телефон. Тот по-прежнему молчал.

«Он что – не может найти другого телефона? – нервно подумал Махмудбеков. – В конце концов, мог бы взять трубку и у Кязима».

В дверь постучали.

– Да, – крикнул он громче обычного. Сказывалось напряжение, вызванное непонятым телефонным звонком.

Вошел Джафар, опасливо переминаясь с ноги на ногу. Уже по крику хозяина он понял, что тот не в настроении.

– Какой номер у Кязима? – отрывисто спросил Махмудбеков, поднимая трубку.

Джафар испуганно посмотрел на него.

– Не помню, – честно признался он.

– В таком случае узнай, – закричал Махмудбеков. – Что ты вообще помнишь? Узнай быстро, какой номер.

Джафар бегом бросился вон из комнаты. Оставшись один, Махмудбеков начал снимать рубашку. Пуговицы не поддавались, и он дернул ворот так, что пуговицы брызнули на пол. Устыдившись, он подошел к шкафу, где обычно висели уже отглаженные новые сорочки. Достав одну, надел. Он еще не успел застегнуть пуговицы, когда в комнату без стука ворвался Джафар.

– Узнал телефон? – хмуро спросил хозяин.

Джафар назвал номер телефона. Он тяжело дышал. Махмудбеков, искоса взглянув на него, поднял трубку, набрал номер. Довольно долго ждал и снова услышал тот же проклятый голос, извещавший о том, что телефон отключен. Он с раздражением отбросил трубку.

– Быстро на наш склад, – приказал он Джафару, – возьми людей. Человек пять-шесть. Оружие тоже прихвати. Там что-то случилось. И каждые десять минут звони мне... нет, каждые пять. Как только приедешь, сразу звони. Ты меня понял?

– Все понял, хозяин, – у Джафара был бритый затылок и мощные широкие плечи, почти как у самого хозяина. Сейчас он был явно испуган вспышкой гнева Махмудбекова.

– Постой, – вдруг передумал хозяин, когда Джафар уже собирался выбежать из комнаты, – сколько людей из охраны на даче?

– Со мной восемь человек, – доложил Джафар.

– Подожди, – Махмудбеков прошел к столу, взял стул и тяжело опустился на него.

На даче всего восемь человек охраны, подумал он. Если сейчас уедут пять-шесть человек, то никого не останется. Он никогда никому не доверял. А если Слава и Кязим, сговорившись, решили устроить какой-то странный балаган? Он на секунду задумался. Нет, этого просто не может быть. Чтобы оба оказались предателями? Это его самые надежные люди. Тогда при чем тут засада? Какая засада могла ждать его людей на складе? В который раз он недовольно подумал, что напрасно привез в Москву дочь. Сейчас не время и не место ей здесь находиться. Ничего, успокоил он себя. Пусть два-три дня побудет, и он отправит ее вместе со Светланой в Париж. Там спокойнее и есть что посмотреть. Нужно будет заказать им визы.

Джафар терпеливо ждал, пока хозяин думал. Махмудбеков взглянул на него и нахмурился.

– Вызови дополнительно всех наших людей, – приказал он. – Сюда вызови. Собери по всему городу. И сам никуда не отлучайся. А кого-нибудь пошли посмотреть, что там случилось на складе. И пусть нам сразу позвонит.

Джафар кивнул, собираясь выйти, но хозяин снова позвал его.

– Джафар, – приказал он, – скажи людям, чтобы не зевали. Всякое может быть...

«Совсем испугался хозяин», – добродушно подумал Джафар, выходя из комнаты. Он спускался по лестнице, когда неожиданно раздался взрыв. Похоже, стреляли из гранатомета. Послышались звон разбитых стекол, дикие крики и резкие автоматные очереди.

Он даже присел от неожиданности, но в этот момент из своей комнаты выскочил хозяин.

– Ты что, заснул? – закричал он. – Доставай оружие, закрывай двери!

Джафар подбежал к окну и сразу понял, что произошло. Из подъехавшего на полной скорости чужого джипа пробили ворота гранатой. Дежуривший за воротами один из охранников мгновенно погиб. Сразу три джипа, переполненных боевиками, ворвались на дачу. В руках у нападавших были автоматы. У двоих или троих поблескивали гранатометы.

Трое боевиков Джафара отстреливались из флигеля, где жили охранники, пока один из нападавших не выстрелил туда из гранатомета. Какой-то боевик успел выскочить из дома еще до выстрела и мгновенно попал под автоматные очереди. Двое других выскочить не успели. Раздался еще один взрыв, и домик взлетел на воздух.

У Джафара с собой не оказалось даже пистолета. Хозяин не любил, когда в дом входили с оружием. Джафар успел пробежать через холл и закрыть тяжелую массивную дверь. Он нервно посмотрел по сторонам, размышляя, что делать, но тут Махмудбеков закричал ему сверху:

– Быстрее ко мне в кабинет. Там есть оружие, в моем сейфе. Набери имя «Лейла» и три пятерки – и дверца откроется.

Джафар бросился в кабинет. Лихорадочно отыскал сейф. Стрельба гремела уже совсем рядом. Он торопливо набрал имя и код. Сейф открылся. Это был большой сейф американского производства. В глубине его лежали деньги. Много денег. И несколько пистолетов. Немного помедлив, Джафар достал все оружие, еще раз посмотрел на деньги и, пересиливая себя, закрыл сейф.

Исмаил Махмудбеков в это время искал по всему дому свою дочь. Он ворвался в ее комнату, но там никого не было.

– Ирада! – звал он, не обращая внимания на выстрелы, дробящие оконные стекла. – Ирада!

Оставшиеся в живых охранники пока еще пытались сопротивляться, но их безжалостно расстреливали нападавшие, не потерявшие ни одного человека благодаря своему внезапному и стремительному появлению. Джафар рванул по коридору, увидев снизу, как по верхней лестнице мечется в поисках дочери хозяин.

– Нужно уходить, – закричал он ему, – они сейчас ворвутся сюда.

– Нет, – упрямо заревел Исмаил. – Где моя дочь?

Последний из охранников пытался отстоять дом хозяина, но и его расстреляли почти в упор. С третьего этажа, где находилась комната для игры в бильярд, слышались крики. Светлана Михайловна увела туда Ираду, чтобы спасти ее. Но, очевидно, кто-то из нападавших увидел мелькавшие там тени и дал очередь по окнам. Вслед за Ирадой и Светланой Михайловной наверх поспешила и кухарка. Поняв, что их заметили, Светлана Михайловна схватила девушку за руку и закричала кухарке, чтобы та уходила вниз. Но кухарка решила, что на третьем этаже, пока внизу стреляют, будет гораздо спокойнее.

В это время один из нападавших встал на колени и, прицелившись, выстрелил по окнам третьего этажа, решив, что там укрывается сам хозяин.

Взрыв потряс здание. Послышался дикий крик, сверху посыпались балки, камни, штукатурка. Упало чье-то тело. Джафар, перевернув массивный диван в гостиной, готовился встретить незваных гостей, когда Исмаил увидел, что с лестницы безжизненно свесилась чья-то женская рука. Боясь поверить увиденному, он подполз ближе, схватил руку за запястье.

Двое ворвались в гостиную, когда Джафар начал стрельбу. Первый из нападавших отлетел к стене, оставляя за собой кровавый след. Джафар еще раз выстрелил в него, с удовлетворением заметив, как тот, дернувшись, затих. Второй дал длинную очередь из автомата и, пригибаясь, поспешил вперед. Он увидел на лестнице обезумевшего от ужаса Исмаила Махмудбекова, пытавшегося разглядеть лицо убитой. Нападавший поднял автомат, забыв на мгновение о Джафаре. Махмудбеков даже не посмотрел в его сторону. В это мгновение привставший из-за

дивана Джафар всадил в него всю обойму. Он стрелял и стрелял, словно вымещая на трупе гнев и возмущение из-за наглости нападения.

Махмудбеков наконец рассмотрел лицо погибшей. Это была кухарка. Джафар, подскочив к убитым, забрал их оружие.

– Уходим, хозяин, – отчаянно закричал он, – они сейчас сюда придут!

– Я не уйду, пока не найду девочку, – с упрямством безумца повторял Махмудбеков. Он взял протянутые ему автомат и пистолет, огляделся, словно намечая себе жертву.

– Уходим, хозяин, – почти умолял его Джафар. Дверь и часть стены рухнули от нового взрыва.

– Папа! – крикнула сверху Ирада, услышав голос отца и испугавшись очередного взрыва.

– Ирада! – отец поспешил к ней. Через пролом лезло еще несколько человек. И хотя Джафар героически отвлек на себя их внимание, один из боевиков прицелился и дал длинную очередь в сторону Махмудбекова. Тот со стоном рухнул. Пуля попала ему в ногу. Пистолет, который он держал в левой руке, отлетел в сторону. Лежа на полу, морщась от боли, он полубернулся и, подняв автомат, дал длинную очередь в сторону нападавших.

Ирада, увидев отца, попыталась броситься к нему, но ее остановила Светлана Михайловна.

Джафар продолжал вести неравный бой с пятью нападавшими. Ирада, упав на пол, поползла к отцу.

– Уходите, – кричал он, весь перепачканный кровью, – Света, уводи девочку, уводи ее, ты меня слышишь?

Он поднял автомат и выстрелил. В ответ прогремели длинные очереди. Лестница была построена таким образом, что она просматривалась из гостиной, образуя как бы второй уровень в огромном зале. Ирада услышала за спиной шаги и испуганно обернулась. Один из нападавших сумел, забросив веревку, влезть в окно второго этажа, выбитого взрывной волной. И теперь с пистолетом в руках оказался на лестнице.

– Нет! – закричал Махмудбеков, в ужасе протягивая руку и глядя, как боевик целится в голову его дочери. У него кончились патроны, но, даже если бы они у него были, он не сумел бы стрелять из страха, что попадет в Ираду.

Нападавший был совсем еще молодой парень, лет двадцати пяти. Девушка, испуганно обернувшись, вскрикнула. Парень увидел ее лицо, заколебался и вдруг, опустив пистолет, схватил девушку за волосы и потянул ее к открытой двери.

– Папа! – закричала та, пытаясь вырваться. И в этот момент прозвучал выстрел.

Не понимая, откуда в него стреляли, парень сделал неуверенный шаг и рухнул как подкошенный. За его спиной стояла с дымящимся пистолетом в руках Светлана Михайловна. Это она выстрелила нападавшему прямо в спину.

Ирада молчала, не решаясь даже заплакать. Все, что происходило вокруг, было слишком ужасно. Сверху раздались автоматные очереди, и отец снова вскрикнул. Он лежал боком, и пуля попала ему прямо в живот.

– Уходите! – прохрипел он умоляюще. – Уходите быстрее!

Джафар тоже был легко ранен в руку, но еще отстреливался. Он увидел, как в проеме мелькнул нападавший с гранатометом, и, не дожидаясь, пока граната разорвется в комнате, бросился к окну и выпрыгнул на улицу.

– Я не уйду! – закричала Ирада.

– Убирайся! – прохрипел отец. – Запомни шифр в немецком банке. Имя твоей матери и шесть семерок. Запомни шифр! Ты знаешь, какой банк...

Светлана Михайловна потянула девушку за собой. На втором этаже в конце коридора была еще одна лестница, устроенная специально для того, чтобы хозяева могли спускаться к бассейну, не проходя через гостиную. Она поспешила туда, увлекая за собой девушку.

Джафар, перекатившись, выстрелил и побежал к гаражу, откуда доносились неясные крики. Очевидно, кто-то из его людей все-таки еще жив. Нападавшие, ворвавшиеся в гостиную, взбежали по лестнице. Махмудбеков лежал на полу, тяжело дыша. Сразу двое подошли к нему.

– Спекся, гадина, – сказал один из них, поднимая пистолет. – Кажется, еще живой! – крикнул он вниз.

– Кончайте его, – закричали в ответ снизу.

– Подождите... – прошептал Махмудбеков. – Подождите, я дам вам деньги. Много денег. Я могу сказать шифр моего сейфа. Там лежит много денег. Миллион долларов.

Оба боевика переглянулись. Тот, что был помоложе, присвистнул. Другой, темноволосый, небритый, очевидно, заматеревший преступник, процедил сквозь зубы:

– Говори.

– Сначала наберите имя «Лейла», – выдохнул Махмудбеков, – остальное скажу потом.

Молодой сплюнул сквозь зубы.

– Еще торгуется, гнида, – весело сказал он. В его возрасте миллион долларов казался абстрактной цифрой, а лежавший на полу человек был тем самым типом, на которого они охотились. В таком возрасте люди обычно бывают особенно тщеславны, и ему было приятно, что все будут говорить о нем как о непосредственном исполнителе приговора над самим Исмаилом Махмудбековым. Деньги все равно никуда не убегут, рассудил он, поднимая пистолет. И прозвучал выстрел. Молодой упал сразу, так и не поняв, что деньги гораздо большая сила, чем его собственное тщеславие. И гораздо большая, чем дружба, которой, впрочем, у него никогда не было с его убийцей.

Махмудбеков вздохнул. Кровь убитого брызнула на него, обильно орошая его и без того окровавленную рубашку.

– Где сейф? – спросил второй, выстреливший в своего напарника. Он справедливо рассудил, что миллион слишком важная сумма, чтобы поддаваться из-за нее чувствам. И спокойно, без лишних эмоций, просчитав все варианты, выстрелил в своего напарника.

– Сейф? – снова напомнил он.

– Вон там, в кабинете, – не сумел даже поднять руку Махмудбеков.

Убийца недоверчиво взглянул на него и поспешил к сейфу. Набрал комбинацию букв и услышал сигнал подтверждения.

– А цифры?

Махмудбеков, собрав все силы, перекатился на другой бок, чтобы взять пистолет убитого.

– Три пятерки, – сказал он устало, напаривая оружие.

Убийца набрал три цифры, и сейф открылся. Увидев деньги, он заколебался, но, недолго думая, начал выхватывать пачки, рассылая их по карманам. Потом, опомнившись, поискал глазами какую-нибудь тару, увидел стоявшее на полу мусорное ведро. Он схватил его, быстро выгребая туда все деньги из сейфа.

Светлана Михайловна и Ирада спустились вниз. Пригибаясь, они обежали бассейн, выскочили к задней калитке. Здесь никого не было. Светлана Михайловна поискала ключи. К счастью, ключи всегда были при ней. Она быстро открыла калитку, пропуская девушку. Закрывая калитку, она увидела, что их бегство заметили.

– Стой, – закричал кто-то, подбегая.

– Уходи! – отчаянно закричала Светлана Михайловна, показывая в сторону леса. – Уходи быстрее!

Ключ никак не попадал в замочную скважину. К калитке бежали уже несколько человек.

– Уходи! – оттолкнула она девушку.

Та, уже ничего не соображая от шока и крови, бросилась к лесу. Нападавшие подбежали в тот момент, когда Светлана Михайловна вставила наконец в скважину ключи, закрывая замок. Но было слишком поздно. Ее расстреляли сразу из двух автоматов. Калитка была сделана в

виде изящной решетки, чтобы можно было видеть тех, кто стоял за ней. Пули легко отыскивали ее тело. Последним движением она успела выдернуть ключи и упасть на землю, закрыв дорогу нападавшим. Тем оставалось только просунуть стволы автоматов сквозь решетки и поливать огнем лес, где скрылась девушка.

Боевик, копошившийся у сейфа, наполнил мусорное ведро и побежал к выходу. Но, вспомнив про хозяина дома, вернулся, чтобы «поблагодарить» его. Он поставил ведро, поднял автомат и шагнул поближе. Махмудбеков лежал на полу с закрытыми глазами, словно уже не дышал.

– Закончили с ним? – нетерпеливо крикнул кто-то снизу.

– Почти, – сказал убийца, наклоняясь над своей незащищенной жертвой.

И в этот момент Исмаил открыл глаза и, вскинув правую руку, выстрелил прямо ему в лицо. Тот упал на Махмудбекова, даже не успев вскрикнуть. И снова теплая кровь оросила тело хозяина дома. Он закрыл глаза и от боли потерял сознание. И уже не видел, как в комнату ворвался еще один человек, столкнул убийцу с его тела и, взглянув на лежавшего в луже крови хозяина дома, громко закричал:

– Все нормально. Уходим.

К нему поднялся еще один человек, и они вынесли труп убитого боевика из комнаты. А потом, поднявшись снова, унесли и труп молодого парня, которого убил его собственный напарник.

Через минуту джипы выезжали с дачи, оставив на ней шесть или семь трупов. Своих собственных убитых они забрали с собой. Во дворе кто-то из раненых охранников попытался подняться, и нападавшие долго и с удовольствием следили, как он пытается поползти до дома. И лишь когда он почти пополз, его пристрелили. Потери были большими, очень большими. Из пятнадцати боевиков, участвовавших в нападении, пятеро были убиты и еще несколько человек получили ранения разной тяжести. Командовавший отрядом высокий мужчина в камуфляжной форме нервно кричал на своих подчиненных, приказав собрать всех своих убитых боевиков. Он был профессионалом и знал, как легко можно выйти на них, если сумеют опознать хотя бы один труп.

В последний джип беспорядочно побросали убитых. Под конец операции шло самое настоящее мародерство, и оставшиеся в живых тащили из дома все, что им нравилось, стараясь не попасться на глаза своему вожаку. Машины еще выезжали со двора, когда Джафар, затаившийся в гараже, поспешил в дом. Он вбежал в гостиную, проскочил на лестницу и увидел хозяина, лежавшего в луже крови. Сначала он растерялся, но затем опустился на колени, попробовав уловить дыхание хозяина. И услышал слабый стук сердца. Хозяин еще был жив. Он оглянулся и побежал звонить. По дороге ему попало мусорное ведро, набитое долларами, и он отшвырнул его ногой, торопясь добраться до телефона.

Едва он подбежал к аппарату, как послышалась трель телефонного звонка. Это было так удивительно, что Джафар замер. Как будто жизнь постепенно начала возвращаться в этот дом. Он схватил трубку. Кто это может быть?

– Алло? – закричал он, опасаясь, что теряет время и хозяин может умереть.

– Я говорю с вами по поручению Славы Стольников, – донесся издалека чей-то незнакомый старческий голос.

– Да-да, говорите, – прижал трубку сильнее Джафар. – Говорите быстрее!

– Мне нужен Исмаил Мансурбеков, – сказал по слогам старик, искажая фамилию. Очевидно, он ее не запомнил.

– Говори! – закричал Джафар, глядя в ту сторону, где лежал без движения его хозяин.

– Стольников просил передать, что на вас нападут, – медленно сказал старик, – чтобы вы знали, на вас...

Джафар разозлился. Он уже хотел бросить трубку, но вовремя вспомнил, что не знает, где именно находится Стольников. А если хозяин выживет и потребует отчета?

– Где Стольников? – закричал он изо всех сил.

– Он плохо себя чувствует, – старик хотел еще что-то сказать, но Джафар уже бросил трубку, вызывая «Скорую помощь». Лишь позвонив туда, он начал лихорадочно звонить всем знакомым в городе, умоляя и требуя немедленно приехать на дачу. И после четвертого звонка снова бросился к хозяину. По дороге он намочил полотенце и теперь, стоя на коленях, вытирал лицо раненого. Время от времени он наклонялся и слушал, как бьется его сердце. Оно все еще работало, и он снова хлопотал около хозяина. Через полчаса к даче стали подъезжать вызванные им люди. И почти сразу следом за ними приехала машина «Скорой помощи». А потом появилась и милиция.

Глава четвертая

Он уже знал, какой именно гость приедет к ним, и поэтому встретил его, не скрывая вполне понятного любопытства. Полковник Максимов был заместителем руководителя специального бюро координации – так назывался оперативный орган, созданный по решению руководителей правоохранительных структур стран СНГ для должной координации действий милиции и контрразведки по всей территории стран СНГ. В их немногочисленный штат входили профессионалы контрразведки и милиции из разных стран содружества, позволявшие осуществлять прямую связь с заинтересованными ведомствами в борьбе против торговцев оружием, наркотиками, террористов и просто разного рода уголовников.

Возглавлял СБК генерал Ларионов, которому, как правило, отводились нелегкие представительские функции в разного рода советах и встречах руководителей стран СНГ. Он часто выезжал на подобные мероприятия, справедливо считая, что давно превратился в «свадебного генерала». Однако именно его постоянное присутствие на встречах помогало решению многих вопросов, которые можно было пробивать только через руководителей силовых ведомств стран СНГ или глав правительств.

В штате бюро насчитывалось около сорока человек, а группа Сабельникова, по существу оперативный отдел СБК, состояла всего из девяти человек. Из них один – майор Султан Ашимбаев из Казахстана находился в отпуске на лечении. У него еще не зажила рана, полученная в прошлом году в Бухаре. Остальные восемь представляли собой точную копию всего СБК, в котором были собраны представители различных национальностей. Сам Максимов, заменявший Ларионова во время его частых командировок, был коренным москвичом.

Руководитель группы подполковник Сабельников был переведен на работу в СБК из Мордовии. Из Белоруссии прибыл подполковник Николай Матюшевский. Из Грузии был прикомандирован майор Георгий Чумбуридзе. Из Таджикистана приехал для координации действий капитан Абдулло Шадыев. Азербайджан и Армения прислали Рустама Керимова и Эдуарда Айрапетяна. Надежда Виноградова была рекомендована российским МВД, хотя и работала раньше в Молдавии. И наконец, молодой старший лейтенант Двоеглазов пришел на работу в СБК из контрразведки. Причем поначалу он считал это почти наказанием и лишь позднее изменил свое мнение.

Сегодня к Максиму приехал подполковник Константин Цапов, своего рода живая легенда милиции. Он три года провел на нелегальной работе, успешно внедрившись в среду торговцев наркотиками. Лишь вынужденные обстоятельства, когда он спасал одного из сотрудников СБК, заставили его раскрыться и помочь сотрудникам бюро остановить огромный груз наркотиков, который должен был проследовать из Афганистана в Европу. За эту операцию Цапов получил орден и звание подполковника, присужденное ему в порядке исключения, минуя звание майора.

Когда гость вошел к нему, Максимов поднялся из-за стола, с любопытством глядя на Цапова. Обычный, не очень приметный человек, постриженный ежиком и с упрямыми складками у рта. Рукопожатие было крепким.

– Много о вас слышал, – улыбнулся Максимов.

– А я про вас, – ответил Цапов, усаживаясь, – ваши ребята даже предлагали мне работать у вас.

– Я бы не возражал.

– Нужно будет подумать, – засмеялся Цапов. – Когда меня выгонят из милиции, перейду на работу к вам.

– Договорились, – кивнул Максимов. – Я вызову наших сотрудников, которые будут заниматься этим делом.

– Да, конечно.

– Пригласите ко мне группу Сабельникова, – попросил Максимов секретаря.

– У вас здесь интересно, – огляделся Цапов, – нигде ни таблички или хотя бы вывески, какая именно организация здесь находится. Полная конспирация.

– А зачем нам гласность? – усмехнулся Максимов. – Те, на кого мы охотимся, прекрасно знают, как мы умеем работать. И наверняка захотели бы узнать, где именно мы находимся. Поэтому на службу мы приезжаем в штатских костюмах и не вывешиваем объявлений о приеме на работу.

– Мое начальство, по-моему, немного ревниво относится к вашей деятельности, – заметил Цапов.

– Это мы знаем. Просто там, где кончаются юрисдикции республиканских министерств внутренних дел, мы можем нормально работать. Границы для нас в данном случае не барьер, а способ решения наших проблем. По большому счету нас должны благодарить, а вместо этого повсюду на местах, в том числе и в Москве, считают, что мы занимаемся не своим делом. Но мы к этому уже привыкли.

Дверь открылась, и в кабинет вошли несколько человек. Цапов знал некоторых из них. Он тепло поздоровался с подполковником Матюшевским и капитаном Керимовым, с которыми познакомился во время операции по изъятию груза наркотиков. Когда все расселись, Максимов строго сказал:

– Подполковника Цапова многие уже знают. Он приехал сюда по интересующему нас делу. Сейчас он коротко введет вас в суть проблемы, а уже потом каждый сможет задавать ему свои вопросы.

Цапов поднялся.

– Можете сидеть, – разрешил Максимов, – у нас здесь не любят формальностей.

Подполковник раскрыл папку, которую принес с собой. Потом спросил у хозяина кабинета:

– У вас есть просмотровый зал? У меня здесь фотографии. Так мне будет легче рассказывать.

– Конечно, – легко поднялся Максимов, – пойдемте в зал.

Все поднялись следом. По дороге Керимов легонько хлопнул по плечу подполковника.

– Поздравляю, – тихо сказал он, – ты уже подполковник.

– Это и твоя заслуга, – так же тихо ответил Цапов, пропуская вперед молодую женщину, единственную представительницу прекрасного пола в группе Сабельникова – Надежду Виноградову.

В небольшом просмотровом зале Цапов передал пачку слайдов и фотографий севшему за аппарат старшему лейтенанту Двоеглазову, попросив его демонстрировать их в том порядке, в каком они были сложены. Здесь не было принято вызывать технических сотрудников. Да их и не было в СБК. Все знали, что каждая группа ведет собственное расследование, и абсолютная секретность была залогом успеха деятельности бюро координации.

Двоеглазов потушил свет. И показал первую фотографию. На земле лежал мертвый человек.

– Это Афанасий Степанович, – начал рассказывать Цапов, показывая на труп, – некоторые ваши сотрудники его хорошо знают. В прошлом году он как раз возглавлял операцию по переброске партии товара из Афганистана в Европу. И, если помните, так неудачно подставился в самолете. Тогда еще капитан Керимов героически пытался остановить самолет, захватив его в заложники, – добавил Цапов под общий громкий смех присутствующих. Смеялся и сам Рустам Керимов.

– По нашим сведениям, его вытащили из тюрьмы как раз накануне операции, – продолжал Цапов. – В общей сложности он отсидел не более года, хотя за его преступления ему пола-

галось как минимум десять или пятнадцать лет с конфискацией имущества. Но судья проявила удивительную мягкость, снизив приговор до пяти лет и изменив сразу несколько статей, фактически переквалифицировав дело. К сведению присутствующих, эта судья сейчас уже не работает, ее арестовали три месяца назад за получение взятки.

Максимов покачал головой. Так было всегда. Они рисковали жизнью, ловили преступников, задерживали бандитов. А потом совместными усилиями купленные прокуроры и судьи при помощи опытных адвокатов отпускали преступников на волю. Эта была общая беда для всех стран СНГ, и об обвальной коррупции в правоохранительных органах было хорошо известно.

– Афанасий Степанович вышел на свободу полтора месяца назад. Очевидно, он был незаменимым работником, так как сразу же включился в дело. Но несколько дней назад его труп и тело еще одного неизвестного, которого мы пока не смогли идентифицировать, были найдены в машине. Обоих добивали выстрелами в голову. При этом не взяли ни денег, ни документов. Мы считаем, что это была месть со стороны тех, чей груз Афанасий Степанович так и не сумел довести до Европы.

Цапов сделал знак рукой, и Двоеглазов показал следующую фотографию.

– Это небезызвестный Михаил Анатольевич Жеребьякин, – сказал Цапов, показывая на изображение сравнительно молодого человека, вальяжно сидевшего на роскошном диване, – по нашим сведениям, один из тех, кто организовывал операцию по переброске наркотиков из Афганистана. Речь шла о суммах, исчисляемых десятками миллионов долларов.

– Сто пятьдесят миллионов долларов, – вставил Максимов.

– Да, – кивнул Цапов, – и такой груз не дошел до Европы. Очевидно, владельцы груза справедливо посчитали, что Михаил Анатольевич должен будет выплатить им компенсацию за утраченный груз, который был доверен его попечению. В прошлом году мы не смогли его привлечь к уголовной ответственности, у нас не было никаких доказательств. Мы только знали со слов Афанасия Степановича, что за всеми операциями стоит Жеребьякин. Однако конкретных доказательств у нас так и не появилось. А мои собственные показания на суде не засчитали бы. Но с тех пор мы очень внимательно следим за деятельностью Михаила Анатольевича.

– У нас тоже накопилось на него довольно много материала, – добавил руководитель группы подполковник Сабельников. – Думаю, он свою «вышку» уже два или три раза заслужил.

– Верно, – мрачно подтвердил Цапов, попросив показать следующие фотографии. На экране появилось изображение бородатого человека.

– Зардани! – сразу воскликнули несколько сотрудников СБК.

– В прошлом году именно Али Абдулла Зардани приезжал на переговоры с Михаилом Анатольевичем по поводу переправки груза, – кивнул Цапов, – груз, как вам хорошо известно, до места назначения не дошел. Теперь, очевидно, выставлены большие претензии, по которым Михаил Анатольевич и его компаньоны должны возместить ущерб.

Он сделал знак рукой, и Двоеглазов показал следующую фотографию.

– Это Исмаил Махмудбеков, – пояснил Цапов, – один из руководителей очень крупного клана кавказской мафии в странах СНГ. По нашим сведениям, он был доверенным лицом Зардани в Москве на переговорах с Жеребьякиным. И мы считаем, что убийством Афанасия Степановича Зардани предупреждал всех, кто не хотел платить. Так сказать, строгое напоминание о том, что счетчик включен.

На следующей фотографии виднелся дымящийся дом.

– Это дача Махмудбекова в Москве, – пояснил Цапов, – вчера вечером на нее напали. Характер нападения с применением гранатометов и автоматов очень схож с тем нападением на дачу Горелого, которое произошло в прошлом году. Пока еще на даче работают наши эксперты. Там очень много работы, но уже сейчас ясно, что почерк нападения тот же. Орудовала одна и та же группа. В прошлом году не было сомнений, что Горелого решили наказать хозяева Афана-

сия Степановича за его предательство. Судя по всему, эти же люди организовали и нападение на дачу Махмудбекова. Похоже, тот слишком сильно давил на них во время переговоров и они посчитали, что нужно дать знать Зардани об их несогласии с подобной постановкой вопроса.

Если убийство Афанасия Степановича было предупреждением должникам, то нападение на дачу Махмудбекова – это уже предупреждение кредиторам. Видимо, Михаил Анатольевич и те, кто стоит за его спиной, решили окончательно пойти на разрыв и начать войну против настойчивых кредиторов. Очевидно, они посчитали, что так будет дешевле.

Двоеглазов показал еще две фотографии убитых людей и сгоревших зданий.

– Характер нападения, применение огневых средств, дерзость нападения – все сходится, – продолжал Цапов. – Думаю, уже сегодня мы можем считать, что между ними началась открытая война.

Он замолчал. Двоеглазов включил свет, и все молча посмотрели друг на друга.

– Вопросы есть? – спросил Максимов.

– Есть, – поднялся подполковник Матюшевский. Он был заместителем Сабельникова. – А сам хозяин дачи остался жив или погиб? Вы ничего не сказали про него.

– Хороший вопрос, – кивнул Цапов, – как это ни удивительно и как это ни покажется странным, но хозяин дачи остался жив. Сейчас он в реанимации, и врачи считают, что у него есть шансы выкарабкаться. У него несколько ранений, в том числе одно серьезное, в живот, но врачи полагают, что он будет жить. Нападавшие скорее всего просто приняли его за убитого и не стали добивать, тем более что его охранники оказали дикое сопротивление и нападавшие, видимо, тоже понесли немалые потери. Но вы правы. Целью нападения на дачу было, совершенно очевидно, убийство Исмаила Махмудбекова.

– Значит, они попытаются повторить нападение, – с явным грузинским акцентом сказал второй заместитель Сабельникова, майор Георгий Чумбуридзе.

– Мы убеждены, что попытаются, – согласился Цапов, – поэтому в больнице установлен усиленный пост. Сразу трое наших сотрудников всегда находятся рядом с палатой, где лежит Махмудбеков. Кроме того, рядом находится и кто-то из его людей. Правда, на всякий случай мы проверяем всех его людей, прежде чем пускаем их к хозяину. Случаи предательства у них обычное дело, и кто-то из людей Махмудбекова может сделать то, чего не удалось нападавшим. Когда речь идет о такой сумме денег, не пожалеют ничего, чтобы добиться своего.

– Значит, сейчас нужно ждать новых ходов с каждой стороны, – задумчиво подвел итог Максимов.

– Верно. Но есть еще одно небольшое осложнение. Махмудбеков – чеченец, и естественно, что представитель Чечни в Москве уже потребовал разбирательства дела, обвинив нас в геноциде чеченцев, проживающих на территории России. Они считают, что подобное нападение могло быть организовано только спецслужбами. У Махмудбекова на даче находился с десятков охранников, и их всех, кроме одного, перебили. Естественно, что чеченцы нам не верят, а их представитель заявил, что в столице началась охота на чеченцев.

Мы не имеем права рассказывать обо всех подробностях этой операции, но каким-то образом должны реагировать. Нашему министру сегодня утром позвонил премьер-министр и потребовал, чтобы тот в течение трех дней представил отчет о случившемся на даче Махмудбекова. Вы же понимаете, что мы не можем рассказать всей правды. Но чеченцы будут настаивать, и нам придется что-то придумывать. Тем более что у нас возникла еще одна очень большая проблема...

– Какая? – спросил Максимов.

– Врачи, наблюдающие раненого Махмудбекова, говорят, что он все время называл чье-то имя, звал какую-то Ираду. Мы проверили, кто бы это могла быть. Оказывается, в Москву он прилетел со своей дочерью. Мы нашли ее паспорт на даче среди документов хозяина дома. Но она бесследно исчезла во время нападения. Мы не смогли нигде найти ее труп. Нигде. А

оставшийся в живых один из охранников Махмудбекова, уже арестованный за ношение незарегистрированного оружия, и старик-садовник, который спрятался во время нападения в сауне, утверждают, что девушка сбежала.

– Может, ее захватили в качестве заложницы? – заметил Сабельников.

– Это еще хуже, – помрачнел Цапов, – дело в том, что ее мать, умершая десять лет назад, бывшая супруга Исмаила Махмудбекова, приходилась родной сестрой первому вице-премьеру чеченского правительства. То есть он ее родной дядя. Если с девушкой что-нибудь случится... – он покачал головой. – Нам будет очень трудно объяснить, какое отношение к наркомафии имеет семнадцатилетняя девочка.

Ее дядя – один из самых уважаемых людей в Чечне. Он достойно сражался во время войны и никогда не имел никакого отношения к делам своего родственника. Более того, они даже не разговаривали много лет. Но на Кавказе свои законы. Я сам вырос на Кавказе и знаю, как именно будет реагировать первый вице-премьер, если с его племянницей что-нибудь случится в Москве. Если, не дай бог, ее убьют или изнасилуют, это будет такой скандал, что мне об этом и подумать страшно. Сегодня утром меня вызвал министр. Мы обязаны найти эту девушку во что бы то ни стало. И найти живой. Поэтому мне было приказано войти в контакт с вашими представителями для координации наших действий. Вы представляете теперь, какие у нас возникли проблемы?

Глава пятая

Исмаил Махмудбеков лежал в палате реанимации. Он с трудом приходил в себя. Сказывалась большая потеря крови, ночная транспортировка в больницу, тяжелая операция. Одна мысль продолжала сверлить его мозг, и он упрямо старался открыть глаза, пытаясь что-то произнести. Часы показывали уже половину шестого дня, когда он открыл глаза.

– Ирада, – негромко сказал он, наконец сумев выговорить это слово, – Ирада. Где моя девочка?

Сидевший рядом с его кроватью сотрудник милиции позвал врача.

– Он кого-то зовет, – показал офицер на раненого.

– Что вы хотите? – наклонился над Исмаилом врач.

– Ирада, – упрямо повторил Махмудбеков, – где моя дочь?

– Он бредит, – уверенно сказал врач, – странно, что он вообще очнулся. У нас после общего наркоза обычно спят целые сутки, да и вообще два-три дня в себя не могут прийти. А он зовет какую-то девочку. Непонятно.

– Может, ему что-нибудь нужно? – спросил офицер.

– Не обращайтесь внимания, – махнул рукой врач, – это он бредит. Сознание к нему еще не могло вернуться полностью. Мы уже сообщали вашей утренней смене, что он и вчера ночью перед операцией звал какую-то Ираду. Может, это его любимая женщина или действительно дочь. И ему кажется, что она стоит рядом с ним. Не обращайтесь внимания, – снова посоветовал врач, выходя из палаты.

Офицер сел на стул, взял журнал «Огонек» и принялся листать его. Раненый умолк, закрыв глаза, очевидно, заснул. Еще через полчаса он снова проснулся. И снова кого-то позвал. Офицер уже не поднимал головы, читая журнал. В этот момент в палату вошли еще несколько человек в белых халатах. Узнав в одном из них старшего группы, офицер вскочил.

– Все в порядке, – быстро доложил он, – раненый спит.

– Он ничего не говорил? – спросил один из вошедших, незнакомый офицеру.

– Нет, – чуть помедлив, доложил офицер.

– Он не приходил в себя? – продолжал строго допрашивать незнакомец, уловив некоторые колебания в голосе дежурного.

– Приходил два раза, – кивнул тот, решив, что лучше сказать правду, – но бредил.

– Что он говорил в бреду? – спросил его незнакомец.

– Звал какую-то женщину, называл по имени, – доложил офицер.

– Какое имя он говорил?

– Не запомнил, – виновато развел руками офицер, – кажется, Лина или Лика.

– Ирада? – спросил незнакомец.

– Да, – радостно подтвердил офицер, – именно это имя...

Незнакомец наклонился над раненым. Это был подполковник Цапов, приехавший сюда вместе с Сабельниковым.

– Что еще он говорил? – спросил подполковник, взглянув на офицера.

Тот, поняв, что лучше рассказывать все, развел руками.

– Ничего. Больше ничего. Он просто спрашивал – где моя девочка? Мы думали, что он имеет в виду свою знакомую. Врач сказал, что это обычный бред.

– Это у вас обычный бред, – отмахнулся Цапов. – Вас посадили сюда не журналы читать и не врачей слушать.

Он снова наклонился над раненым.

– Господин Махмудбеков, вы меня слышите? – спросил он.

– Уйдите отсюда немедленно! – раздался гневный голос врача, вошедшего в реанимационную палату. – Выйдите немедленно!

– Подождите, – остановил его Сабельников, – речь идет о дочери больного. Она пропала, и он мучается из-за этого. Подождите, мы хотим ему помочь.

– Вы его мучаете сильнее, – разозлился врач, но не стал настаивать, чтобы они ушли.

– Господин Махмудбеков, – снова повторил Цапов, – мы друзья. Мы пришли помочь вам. Если вы меня слышите, моргните два раза.

Раненый два раза отчетливо моргнул.

– Мы хотим найти вашу дочь, – продолжал громко говорить Цапов, – может, вы знаете, где ее искать? Где она может быть?

Раненый молчал.

– Вы можете говорить? – спросил Цапов. – Скажите, она жива? Если да, моргните два раза.

Он увидел, как веки дважды вздрогнули. И обернулся к Сабельникову.

– Мы были правы, – сказал он, – она жива.

– Спа... си... те... ее, – прошептал, собрав все свои силы, Исмаил Махмудбеков, – спа... си... те...

– Да, да, конечно, – кивнул Цапов, – мы сделаем все, что в наших силах. Мы ее найдем.

Они вышли из реанимации. Цапов повернулся к старшему группы, находящейся в больнице.

– Если с ним что-нибудь случится, майор, вы пойдете под трибунал, – твердо пообещал Цапов. – Вы лично отвечаете за его безопасность. Если нужно, вызовите сюда еще людей.

– Хорошо, – кивнул и без того напуганный майор.

Навстречу спешила большая группа людей, человек пять. Цапов обернулся к майору:

– А это кто такие?

– Родственники раненого. Они получили разрешение в МУРе находиться рядом с ним, – угрюмо пояснил майор.

Среди прибывших выделялся высокий мужчина в традиционной кавказской папахе. Это был постоянный представитель чеченского правительства в Москве, приехавший сюда, чтобы узнать подробности нападения на дачу. Неожиданно в группе людей, спешивших к раненому, мелькнуло знакомое лицо. Цапов остановился, развернулся и изумленно сказал:

– Слава!

– Костя, – остановился мужчина, и через мгновение они стояли друг перед другом. Но не спешили здороваться. Просто смотрели друг другу в глаза.

Группа прибывших пошла дальше. И Стольников двинулся за ними. Цапов обернулся, глядя, как они подходят к палате, и задумчиво покачал головой.

– Ваш знакомый? – спросил у него подполковник Сабельников.

– Мой бывший напарник, – вздохнул Цапов, мрачно отворачиваясь и не добавив больше ни слова.

Вновь прибывшие подошли к палате, где уже их ждал врач.

– Больного нельзя тревожить, – категорическим тоном сказал врач, – я просто не разрешу его беспокоить.

– Как его здоровье, доктор? – спросил мужчина в папахе.

– Очень тяжелое, – честно сказал врач.

– Но он будет жить?

– Возможно. Если его не будут так часто беспокоить.

– С ним можно увидеться?

– На одну минуту. И только не всем вместе. Одному или двоим. Больного нельзя беспокоить.

Представитель обернулся. Увидел Стольников. Он знал, что тот был доверенным лицом Махмудбекова. И, поманив его за собой, вошел в палату. Увидев их, офицер вскочил, недоверчиво глядя на вновь прибывших. Стольников подошел поближе и сжал руку раненого. Тот открыл глаза. Несколько мгновений он еще пытался осмыслить, что именно происходит. А потом произнес:

– Спа... си... те... ее.

– Про кого он говорит? – посмотрел на Стольника чиновник.

– Про свою дочь, – пояснил Стольников, – ее тела не нашли на даче. Он думает, что ее похитили.

– У вас есть какие-нибудь просьбы? – наклонился над раненым мужчина в папаше.

– Ирада, – упрямо повторил Махмудбеков, – спасите ее, – снова выдавил он по слогам.

Мужчина выпрямился, посмотрел на Стольника и вышел из палаты. В сопровождении своего помощника он пошел к выходу.

– Напрасно вы так нервничаете, – сказал ему по-чеченски помощник, – это бандиты, наркомафия. Они позорят наш народ. Когда мы все воевали, они торговали своим товаром. Из-за него не следует так беспокоиться.

– У него пропала дочь, – сурово сказал постоянный представитель, – ребенок не отвечает за своего отца. Кроме того, она дочь сестры нашего первого вице-премьера. Ты ведь воевал в его отряде. Значит, найти девочку мы должны обязательно. А чем занимается ее отец... Пусть он ответит за это по местным законам и перед самым Аллахом. Я думаю только о девочке.

Стольников тоже вышел из палаты. Рядом оказались двое людей Махмудбекова.

– Останетесь здесь, – приказал он, – у вас будут постоянные пропуска. Будете его охранять вместе с милицией.

– У нас нет оружия, – тихо сказал ему один из боевиков.

– Сидите здесь до утра, – упрямо сказал Стольников, – у вас есть руки и голова. Этого вполне достаточно. Утром приедут ребята из частного агентства. У них есть право на ношение оружия.

К нему подскочил майор, отвечавший за пост у палаты раненого.

– Я не позволю вашим людям находиться здесь, – нервно закричал он.

– А если он попросит чего-нибудь по-чеченски? – издевательски спросил Стольников. – Или ваши люди знают чеченский язык?

Майор замолчал. Он вытер пот со лба тыльной стороной ладони и обреченно махнул рукой. Лишь бы не было хуже, подумал он. А лишняя охрана не помешает. Эти чеченцы умеют драться, когда нужно, и своего вожака они будут охранять лучше его сотрудников, резонно рассудил он.

Стольников выходил из больницы, когда увидел стоявшую на другой стороне улицы машину. За рулем сидел Цапов. Стольников оглянулся и, перейдя дорогу, подошел к машине. Сел в автомобиль рядом с подполковником и достал сигареты.

– Здравствуй, Константин, – сказал он.

– Я тебя и не узнал, – признался Цапов, – как ты здесь оказался?

– Я мог бы задать и тебе этот вопрос, – горько усмехнулся Стольников.

– Ты работаешь на него? – показал на больницу Цапов.

– А ты работаешь по-прежнему на государство? – парировал Стольников.

Они помолчали. Цапов тоже достал сигареты и закурил.

– Сколько лет мы не виделись, Слава, – миролюбивым голосом сказал он, – по-моему, лет десять.

– Ровно тринадцать лет и восемь месяцев, – желчно заметил Стольников, – я точно помню день, когда меня арестовали.

– Меня тогда не было в Москве, – тихо сказал Цапов, – я был в командировке, ты же знаешь.

– А когда вернулся, то уже ничего не мог сделать, – закончил за него Стольников.

– Неправда, – жестко возразил Цапов, – я писал в прокуратуру, подавал рапорты начальству. Я доказывал всем, что ты честный человек. Но я был тогда всего лишь лейтенантом. Обычным лейтенантом. Меня никто не хотел слушать. Я ничего не мог сделать.

– Сейчас ты, наверно, уже полковник, – издевательски сказал Стольников.

– Подполковник, – кивнул Цапов, – я же тебе объясняю, что ничего не мог сделать.

– Но ведь ты работал со мной. Был моим напарником, – упрямо настаивал Стольников, – они обязаны были поверить.

– В восемьдесят третьем милиции не верили, – мрачно сказал Цапов, – начались «андроповские чистки». Убрали Щелокова, к нам перевели Федорчука, который ничего не смыслил в нашем деле, но был убежден, что половина личного состава жулики и проходимцы. Такое было время. Нужны были показательные процессы, чтобы убедить всех в коррумпированности сотрудников милиции. И ты попал под эту волну.

– Но ты ведь знал, что я не виноват. Что я не брал этих денег, – зло сказал Стольников. – Знал, что мне их подбросили. Почему же ты промолчал?

– Я не молчал, – упрямо повторил Цапов, – я же тебе говорю, время было такое. Меня просто послали подальше. Я ходил на прием и к генеральному прокурору, вернее, он меня не принял, но я к нему записывался. Я даже просился на прием к министру, но тот меня тоже не принял. А потом мне посоветовали вообще не лезть в это дело. Я писал тебе в колонию.

– А я не читал письма, – горько сказал Стольников, – с тех пор, как получил письмо от своей стервы, где она сообщала, что решила со мной развестись. Я не читал после этого ни одного письма. Сжигал все, что мне приходило. Решил отрезать свою прежнюю жизнь, а потом начать все сначала.

– И начал? – спросил Цапов, показывая на больницу.

– А что мне оставалось делать? С голоду подышать? Или швейцаром где-нибудь в казино устроиться?

– И ты решил стать бандитом.

– Во всяком случае, здесь я делаю то, что умею. И ты мне мораль не читай. Видел я эту мораль и когда меня брали ни за что, и когда меня в колонии гноили. Ты ведь знал, что деньги мне подбросили.

– Конечно, знал, – кивнул Цапов, – поэтому и ходил повсюду. Но доказательства были железные. На деньгах оказались твои отпечатки.

– Так эта дрянь ведь меня тогда обманула, – пояснил Стольников, – откуда я знал, что ее подослали из КГБ. Она ходила ко мне несколько дней, а потом сказала, что знает, где прятал деньги ее бывший любовник. А мне как раз нужны были эти деньги, как доказательство его вины. Он ведь забрал из сберкасс новые пачки денег, номера которых были переписаны. И я решил, что если номера совпадут, то дело можно закрывать. Когда она принесла мне деньги, я от радости ни о чем не думал. Сразу взял их и сел сличать.

– Нужно было вызвать еще кого-нибудь, – вставил Цапов.

– Ты мне еще про понятых расскажи, – отмахнулся Стольников. – Откуда я мог знать, что все так получится. Сiju в своем кабинете один, сличаю номера денег, и вдруг врываются сотрудники КГБ, прокуратуры, кричат – руки на стол! – и сразу показывают на деньги. А заодно и на мои руки, где уже остались следы их порошка, которым они деньги обрабатывали. Ты ведь знаешь, что на деньгах тогда писали слово «взятка». Можно было увидеть в ультрафиолетовых лучах. И возражать невозможно. Сколько я ни доказывал, что деньги взял на проверку, никто мне не верил. Прокурор даже издевался надо мной, сказав, что на проверку нужно было брать

большую сумму, чем эта. И мне дали на всю катушку. А ты говоришь, стал бандитом... А кем я, по-твоему, должен был после этого стать?

– И сейчас работаешь на этого упыря?

– На себя, – зло сказал Стольников, – а этот упырь, кстати, не такой уж и плохой. Бывают и похуже.

– Бывают, – согласился Цапов, – только для меня они все на одно лицо.

– Разные у нас с тобой взгляды на лица, – ответил Стольников, – я такие рожи в колонии видел, что не дай тебе боже.

Они снова помолчали.

– Ты был на даче вчера? – вдруг спросил Цапов.

– Нет, не успел. Мне устроили засаду, и я чудом остался жив.

– Где?

– Этого я тебе не скажу.

– Но ты можешь объяснить, что происходит? – настаивал Цапов.

– По-моему, все и так ясно, – усмехнулся Стольников, выбросив окурок, – на него решили наехать. Не знаю почему, но догадываюсь кто. И, как видишь, устроили все с размахом. Вы же не дети, Константин, должны понимать, что такое нападение с гранатометами в Москве могли организовать лишь несколько человек. Вот и ищите среди них обидчика Исмаила Махмудбекова.

– Спасибо и на этом.

– А как девочка? – спросил, в свою очередь, Стольников. – Она у вас?

– Нет, мы ее действительно ищем. Ее нигде нет. Мы проверили все дачи вокруг, но нигде ее не нашли.

– Думаешь, ее забрали с собой? – помрачнел Стольников.

– Нет, – убежденно сказал Цапов, – не думаю. Я там сегодня был. Ты знал такую женщину – Светлану Михайловну?

– Знал, конечно, – мрачно признался Стольников. – Она была самым близким другом нашего босса. Но ее же вчера убили.

– Вот именно. Убили у задней калитки. Она успела закрыть дверь и выбросить ключи, когда ее расстреляли. Понимаешь, что случилось. Она не убежала, хотя могла бы успеть, там рядом густой лес, а закрывала дверцу, словно помогая кому-то сбежать. И потом ключи выбросила. А мы в лесу, рядом с дачей, нашли браслет, на котором было написано имя – Ирада. Значит, девушка успела убежать. И где она теперь, мы не знаем.

– Ее нужно найти, – задумался Стольников, – отец ее безумно любит. Если с ней что-нибудь случится, он сойдет с ума.

– Ты можешь нам помочь? – спросил Цапов.

– Ты меня вербуешь? – засмеялся Стольников. – Хочешь сделать из меня платного агента?

– Кончай дурить, Слава, – серьезно сказал Цапов, – у нас с тобой сейчас общая цель – найти девчонку. И ты должен нам помочь.

– Я вам ничего не должен, – возразил Стольников, – но насчет девочки ты прав. Ее действительно нужно найти. Жалко, если она попадет в руки этих скотов, устроивших вчера такой погром на даче.

– Где нам взять ее фотографию?

– Не знаю.

– Но ты ее видел в лицо?

– Да, конечно. Я же вчера их встречал.

– Может, сможешь сделать фоторобот? – предложил Цапов.

– Нет, – резко отрезал Стольников.

– Почему нет?

– У тебя есть гарантия, что эта фотография не попадет в руки тех, кто вчера напал на дачу? А если они тоже захотят найти девочку? Это ведь такой козырь в их руках. Отец пойдет на все, лишь бы освободить дочь.

– Ты хотя бы знаешь, где ее искать? – спросил Цапов.

– Понятия не имею.

– Но ведь ты должен знать, где находились квартиры, офисы и вообще любимые места твоего хозяина. Извини, не хотел тебя обидеть.

– Нет, все правильно, – криво улыбнулся Стольников, – он мне платит, значит, действительно мой хозяин. Просто вся беда в том, что я-то эти места хорошо знаю, а девочка не знает. Она пять лет не была в Москве. Она здесь вообще никого не знает.

– Русский язык она хотя бы знает?

– Да. И неплохо. Они ведь дома говорили и по-русски.

– Деньги у нее были?

– Откуда я знаю. Я сам со вчерашнего дня места себе не нахожу. Девчонку жалко, пропадет ведь...

– В общем, дело – труба, – невесело подвел итог Цапов. – Дай мне хоть номер твоего мобильного телефона, чтобы я мог тебя найти.

– А ты мне свой, – кивнул Стольников, – мы ведь с тобой, кажется, снова становимся напарниками.

Глава шестая

«Шестисотый» «Мерседес» стал неотъемлемым атрибутом любого состоятельного человека в Москве. Именно такой автомобиль в сопровождении двух «БМВ» подъехал к офису известной компании. Выскочившие охранники подождали, пока из «Мерседеса» выйдет сравнительно молодой светловолосый человек с неприятными зелеными глазами. Он деловито прошел к лифту, куда вместе с ним вошли трое охранников.

На этаже, куда их доставил лифт, телохранители выскочили первыми, и лишь затем вышел их хозяин и уверенно направился к кабинету главы банка. Не сказав никому ни слова в приемной, он сразу же вошел в кабинет.

– Добрый день, Андрей Потапович, – развязно сказал гость, проходя к столу.

Сидевший в роскошном высоком кресле хозяин кабинета вскочил со своего места. Ему было около шестидесяти. У него было одутловатое лицо, большие мешки под глазами, двойной подбородок. Он возмущенно замахал руками.

– Сколько раз я говорил, чтобы ты не приходил сюда, Михаил. Твои визиты в мою компанию в сопровождении этих крестоносцев вызывают массу сплетен.

– Поболтают и перестанут, что им еще делать, – отмахнулся Михаил, усаживаясь напротив стола президента компании.

– Вот именно, – буркнул его собеседник, – все газеты написали о вчерашнем нападении на дачу Махмудбекова. Я с ужасом думаю, что напишут завтра. И по телевизору уже сообщили. Говорят, там была самая настоящая бойня.

– Возможно, – согласился Михаил, – Борис не рассказывал мне подробностей.

– Твой Борис уголовник, – закричал Андрей Потапович, – и ты об этом прекрасно знаешь. Это уже второе такое нападение. Он стал у тебя специалистом по нападениям на дачи. Может, ему понравилось устраивать такие представления и он нападет и на наши дачи?

– Без моего разрешения не нападет, – серьезно сказал гость, – но вообще-то он может.

– Ты еще шутишь, – разозлился хозяин кабинета. – Ты понимаешь, что объявил самую настоящую войну? Теперь с нами никто не станет договариваться. Ты начал против них войну. И они не успокоятся, пока не сведут с нами счеты.

– Это мы еще посмотрим, кто с кем сведет счеты, – процедил сквозь зубы Михаил.

– Сколько лет тебя знаю, ты все такой же неугомонный, – покачал головой Андрей Потапович.

Они действительно были знакомы много лет. Бывший партийный чиновник Андрей Потапович Колесов и бывший комсомольский работник Михаил Анатольевич Жеребякин, сумевшие за годы перестройки довольно быстро «перестроиться» и приспособиться к окружающей действительности.

Колесов первым смекнул, какую именно прибыль можно получить на посту секретаря районного комитета партии. Расчет был прост, как и все гениальное. Была организована некая коммерческая фирма. Руководителем ее был назначен доверенный человек секретаря райкома. И уже потом, почти в принудительном порядке, Андрей Потапович заставлял в течение двух лет переводить на счета этой компании миллионы рублей по безналичному расчету. Директора заводов и различных организаций, расположенных на территории района, переводили деньги, даже не подозревая, что затем их обналичивают через местный банк и вкладывают в другие производства.

За два неполных года – с восемьдесят девятого по девяносто первый – через фирму прошло несколько десятков миллионов рублей, что к августу девяносто первого года составило общий баланс фирмы более чем в два миллиона долларов. Развал страны и развал партии Андрей Потапович встретил восторженно. Он даже не пожалел денег на огромный трехцвет-

ный флаг, с которым биржевики и коммерсанты прошествовали по Москве, демонстрируя поддержку новому режиму.

Деньги к тому времени уже начали работать, и бывший партийный работник Колесов, всегда клеймивший трехцветный флаг как «деникинский», стал успешным коммерсантом, немедленно выйдя из партии.

Собственно, проходимцев к этому времени можно было разделить на две категории. Первая – бывшие партийные чиновники, которые успешно «перестроились», полностью отказались от своих прежних «ошибочных» взглядов и начали в бешеном темпе делать большие деньги. Вторая категория проходимцев была куда как опаснее и циничнее. Эти люди вступали в партию в период с восемьдесят седьмого по восемьдесят девятый и, выжав из своего членства все, что было возможно, немедленно выходили из партии, обвиняя ее в самых страшных грехах и объясняя свои «заблуждения» тем, что они поверили в перестройку Горбачева и не знали о преступлениях бывшего режима.

Имелась еще и особая категория бывших комсомольских работников, уверенно использующих свои наработанные связи в новых условиях. Эти вообще не брезговали никакими методами. Комсомольским вожаком был и Михаил Анатольевич Жеребякин, когда началась перестройка. Он довольно быстро понял, куда дует ветер, стал появляться на многочисленных «демократических» собраниях, а затем возглавил фирму, организованную Андреем Потаповичем.

Колесов считал его своим выдвиженцем. Он даже не подозревал, что к тому времени Жеребякин уже наладил тесные связи с бандой молодых рэкетиоров и всю пользовался ее услугами. К тому времени, когда Андрей Потапович понял, что именно происходит, его протеже превратился в крупную самостоятельную фигуру, уверенно контролирующую целый клан подмосковной мафии, куда входило сразу несколько группировок.

С тех пор и произошло разделение. Колесов занимался легальным бизнесом, возглавляя компанию и отмывая деньги Жеребякина. А тот руководил собственным делом, попутно оказывая услуги своему бывшему «наставнику». Об операции с грузом наркотиков они договаривались вместе с Зардани. И если Колесов предпочитал договариваться, то Жеребякин шел напролом, предпочитая никому и ничего не платить.

Когда переговоры зашли в тупик и был убит выпущенный к тому времени из тюрьмы Афанасий Степанович, Жеребякин решил, что нужно нанести ответный удар. Он полагал, что соперники уважают только силу, продемонстрировав которую можно заставить партнеров пойти на существенные уступки. Полного разрыва отношений он, разумеется, не хотел, но после смерти Степановича решил нанести сильный и болезненный удар. К тому времени стало ясно, что Зардани по-прежнему настаивает на выплате стоимости потерянного груза. Михаил Анатольевич и его люди категорически отказывались платить подобные штрафы, доказывая, что груз утрачен не по их вине.

– Что думаешь делать, Михаил? – спросил Андрей Потапович. – Они ведь это дело так не оставят.

– Это уже теперь вы должны с ними договариваться, – усмехнулся Жеребякин, – платить мы им, конечно, не будем, но готовы бесплатно провести новую партию. Это и будет наш вклад в сотрудничество с вашими друзьями.

– Но зачем нужно было устраивать такой шум?

– Иначе нельзя. Зардани деловой человек. Он должен понимать, кто главный в Москве и кто контролирует город. Этот чеченец сильно зарывался. Вообще, после войны они снова активизировались и решили укрепить свои позиции в городе. Теперь мы им показали, кто здесь главный.

– Ты хочешь начать войну с чеченцами?

– А мы ее уже начали. Мы не пустим их обратно в город. Я обсуждал этот вопрос с братвой, они со мной согласны. Почему мы должны отдавать свой город пришельцам? Пусть контролируют свой Грозный.

– Ты сошел с ума, – Андрей Потапович вернулся в свое кресло, тяжело в него опустился, – ты просто сошел с ума. У них столько боевиков, столько оружия...

– У нас не меньше, – усмехнулся Жеребякин, – если понадобится, я всех ребят подниму. Две-три тысячи стволов наберем. Такую «Варфоломеевскую ночь» устроим, что им не позавидуют.

– Не хвались, – махнул рукой Андрей Потапович, – это тебе не ларьки обирать.

– Напрасно вы трусите, – презрительно сказал Михаил Анатольевич, которого задела фраза про ларьки, – сделаем все, что нужно. Ваша задача – с Зардани договориться.

– Что вы сделаете? – сквозь зубы спросил Колесов, которого тоже обидело выражение «трусите». – Вы даже не смогли нападение на дачу нормально организовать.

– Как это не смогли? – нервно засмеялся его гость. – Вы ведь сами говорите, что все газеты написали.

– Написали, – кивнул Колесов. – А знаешь, что они написали? Хозяин дачи остался жив. Его вчера ночью доставили в реанимацию.

– Как это жив? – привстал со стула Жеребякин.

– Вот так, – стукнул кулаком по столу Андрей Потапович, наслаждаясь произведенным эффектом, – как всегда, работаешь на авось. Не убили его твои соколы. Твой Борис все прошляпил. Живой остался Махмудбеков. Живой он.

– Не может быть, – нахмурился Жеребякин, доставая мобильный телефон.

От волнения он даже не стал садиться. Набрал номер и, глядя на хозяина кабинета, ждал, когда произойдет соединение.

– Борис, – наконец дождался он, – это я говорю. Что там у тебя получилось? Просрали все?

– Накладка небольшая вышла, – признался главарь боевиков, – он, оказывается, еще дышал.

– Твою мать, – разозлился Жеребякин, – почему же вы ничего не проверили?

– Михаил, – поднял указательный палец Андрей Потапович, – нельзя говорить такие вещи по мобильному телефону.

– Ну и хрен с ним, все к ... матери, – огрызнулся Жеребякин, – ты понимаешь, Борис, что ты наделал?

– Понимаю, – глухо сказал тот, – но вы не беспокойтесь, мы исправим свою ошибку.

– Исправь, – выдохнул, с трудом сдерживаясь, Жеребякин, – иначе я тебя сам исправлю. Так исправлю, что ты без головы останешься, сукин сын. – Он отключился, бросив телефон на стол.

– Что будешь делать? – с любопытством спросил Андрей Потапович.

– Не знаю, – честно сказал его молодой гость, – все пошло прахом. Борис обещает исправить ситуацию. Я думаю, один день нужно подождать. Может, он сдохнет сам.

– А если не сдохнет? – продолжал иезуитски допрашивать хозяин кабинета.

– Не знаю, – заорал Михаил, – я не знаю!

– Что бы вы без меня делали, – вздохнул Андрей Потапович, – все стараешься сам решить, не советуешься. А кто тебе все подготовил, кто адресочек дал на складах и подробное описание дачи?

– Ну вы дали, ну и что?

– Ничего. Думать нужно. Головой думать. А ты вместо этого кулаками машешь. А если Махмудбеков не умрет и твой Борис ничего сделать не сможет? Раненого ведь наверняка охра-

нять будут. И чеченцы, и милиция. Что тогда? Вечно ты торопишься. Напрасно ты позвонил Борису, сначала меня послушать нужно было.

– У вас есть какой-то план? – понял наконец Михаил.

– Вот-вот, – вновь поднял указательный палец Андрей Потапович, – план у меня есть. Если ты спокойно сядешь, я его изложу. Я уже все узнал. И про дачу, и про ваше нападение.

Жеребякин заставил себя успокоиться. Он сел в кресло и посмотрел на хозяина кабинета.

– Ну, – потребовал он.

– Не торопись, – улыбнулся Андрей Потапович.

Он явно наслаждался ситуацией.

– Махмудбеков прилетел в Москву не один, – начал он.

– Ну и что?

– Не торопись, – снова сказал Андрей Потапович. – Он прилетел со своей дочерью.

– С какой дочерью?

– С единственной. Которую он очень любит. Девочка выросла без матери, и отец заменил ей обоих родителей. Вчера он прилетел в Москву вместе с ней.

Михаил Анатольевич слушал, еще не понимая, чего хочет его собеседник.

– Он ее очень любит, – продолжал Колесов, – и она вчера исчезла. Во время нападения боевиков Бориса. Когда там начался штурм, она, очевидно, спряталась, а теперь куда-то сбежала.

– Сбежала... – Михаил постепенно начал понимать, что именно хочет ему сказать Андрей Потапович.

– Вот именно, – кивнул тот, – и сейчас ее ищут по всему городу люди Махмудбекова и, конечно, родимая милиция. Понимаешь, что получилось? Девочка пропала, и ее нужно найти. Если отец выживет, то это будет лучшим аргументом в споре с ним, чем пуля твоего Бориса.

– Понятно, – Жеребякин растерянно кивнул головой.

– А теперь позвони Борису и скажи, чтобы он и думать не смел про второе покушение на Махмудбекова, – посоветовал Андрей Потапович, – наоборот, теперь нам нужно, чтобы он выжил. Если мы найдем девочку, он пойдет на все наши условия, абсолютно на все.

Михаил кивнул, наклоняясь к столу и поднимая телефон. Он снова набрал номер.

– Борис, это я, – торопливо сказал он, – все отменяется. Приезжай срочно ко мне. Ты мне нужен. И всех ребят собери. Хотя подожди, – он посмотрел на Андрея Потаповича, – кто вчера в аэропорту был, когда наш клиент прилетел?

– Там на шухере Игорек стоял, – сообщил Борис.

– Его найди в первую очередь. Он ведь, наверно, видел всех. Значит, сумеет опознать девочку.

– Какую девочку? – не понял Борис.

– Это я тебе потом расскажу. Найди его и дуй ко мне, – Михаил отключил аппарат и посмотрел на хозяина кабинета.

– Молодец, – одобрительно сказал тот, – умеешь ты учиться. У тебя задатки хорошие. Я это еще в райкоме понял.

Жеребякин поднялся, кивнул на прощание.

– Найди ее, – посоветовал Андрей Потапович, – и тогда ты победитель.

Когда его гость вышел из кабинета, он откинулся на спинку кресла и с удовлетворением подумал, что еще раз утер нос своему молодому коллеге. Когда тебе уже шестьдесят, приятно ощущать себя в форме. И еще приятнее дать щелчок по самолюбию Михаила. В последнее время тот стал слишком самостоятельным, и его нужно время от времени ставить на место.

Глава седьмая

Первый взрыв застал ее в комнате, когда она переодевалась. Ирада едва успела натянуть джинсы и надеть майку, когда в комнату ворвалась Светлана Михайловна.

– Быстрее, – крикнула она, – быстрее за мной.

Схватив девушку за руку, она повела ее за собой наверх, на третий этаж, где была комната для игры в бильярд. Внизу раздавались автоматные очереди, редкие одиночные выстрелы из пистолетов.

– Что там случилось? – испуганно спрашивала Ирада, но Светлана Михайловна только отмахивалась, прислушиваясь к выстрелам. В комнату влетела кухарка.

– Там стреляют, – испуганно показала она вниз.

– Тише, – махнула рукой Светлана Михайловна, – молчи.

Взрывы и выстрелы звучали все чаще, одна из очередей пробила даже оконное стекло. Ирада сжалась от ужаса. Она не понимала, что происходит.

– Пойдем вниз, – наконец решительно сказала Светлана Михайловна, когда крики стали раздаваться совсем близко. – Они, кажется, решили стрелять по окнам. Нужно отсюда уходить. Пошли за нами, – крикнула она кухарке.

Они не успели выйти на лестницу, когда за их спинами раздался страшный взрыв и сверху посыпались балки и кирпичи. Ирада закричала от ужаса. Светлана Михайловна закусил губу, но не стала кричать. Очевидно, она понимала, что именно происходит. Раздался громкий крик Исмаила, очевидно, он искал по всему дому дочь.

Светлана Михайловна заметила, как бросился к лестнице хозяин дома, и услышала, как кричит Джафар, предлагая быстрее уходить.

– Я не уйду, пока не найду девочку, – услышала она слова Махмудбекова.

Раздался очередной мощный взрыв. Ирада увидела отца и закричала изо всех сил, призывая его. Тот наконец заметил ее и поспешил наверх, когда в гостиную на первом этаже ворвались боевики.

Кто-то выстрелил снизу, и отец упал, вскрикнув от боли. Увидев это, Ирада закричала и рванулась к нему, но ее перехватила Светлана Михайловна, заметившая, что боевики стреляют в сторону лежавшего на втором этаже Исмаила Махмудбекова.

Ирада вырвалась у нее из рук и, упав на пол, поползла к отцу.

– Вот бедовая девчонка, – прошептала Светлана Михайловна.

Отец заметил, что к нему ползет дочь, и закричал на весь дом:

– Уходите! Света, уводи девочку, уводи ее, ты меня слышишь?

Он начал стрелять, вызывая огонь на себя. Ответный огонь был таким плотным, что Ирада сжалась от ужаса и Светлана Михайловна за ногу подтянула ее к себе. Внезапно Ирада почувствовала, что у нее за спиной кто-то стоит. Девушка обернулась и увидела молодого человека, целившегося в ее голову. Она замерла, перестав дышать. Что-то крикнул отец. Внезапно молодой человек нагнулся и больно схватил ее за волосы. Она закричала от боли и страха, когда он потащил ее за собой. Но неожиданно пальцы, сжимавшие ее волосы, разжались и он упал на пол. Над ним стояла Светлана Михайловна, сжимая в руках пистолет.

Ирада молча смотрела на нее. Они снова услышали крик Махмудбекова, приказывавшего им уходить.

– Я не уйду, – закричала Ирада, когда Светлана Михайловна решительно взяла ее за руку.

– Уходи! – хрипел, умоляя, отец. – Запомни шифр в немецком банке, – сказал он вдруг на прощание, словно не веря, что они еще свидятся. – Имя твоей матери и шесть семерок. Запомни шифр. Ты знаешь, какой банк.

Девушка уже не сопротивлялась, когда Светлана Михайловна, схватив ее за руку, силой оттащила от отца. Они пробежали в конец коридора, спустились по лестнице, направляясь к бассейну. Обошли его и оказались у калитки. Девушка пребывала в прострации. Светлана Михайловна достала ключи, открыла калитку. Сзади раздались чьи-то крики, их, очевидно, заметили.

– Уходи, – показала в сторону леса Светлана Михайловна, толкая девушку. – Уходи быстрее!

Та уже ничего не понимала и чисто машинально выполняла все команды. Когда Светлана Михайловна толкнула ее, она не спеша двинулась к лесу, ничего не осознавая. Пройдя несколько десятков метров, она остановилась и обернулась. Светлана Михайловна пыталась запереть калитку. Остальное происходило словно во сне.

Женщина успела повернуть ключ, когда выстрелы отбросили ее от калитки. Она взмахнула рукой с зажатым в ней ключом и медленно, словно подрубленная, повалилась на землю. Ирада смотрела, как она падает, а пули продолжают вбиваться в ее тело. И только тогда девушка закричала изо всех сил, словно давая выход накопившимся чувствам. И побежала в лес. Как раз вовремя, так как едва она достигла первых деревьев, как над ее головой просвистели пули. Зацепившись за какую-то гнилую корягу, она рухнула на землю. Это спасло ей жизнь.

Она лежала на земле, вжимая голову в траву. Над ней грохотали неистовые очереди боевиков, взбешенных тем, что Светлана Михайловна успела закрыть калитку. Они стреляли около двадцати секунд, но девушке показалось это вечностью. Затем боевики, убедившись, что больше ничего не движется, повернули обратно к дому, а Ирада все еще продолжала лежать на земле, не зная, что ей делать.

На даче еще раздавались взрывы и автоматные очереди, когда она наконец сообразила, что оставаться на этом месте нельзя. Размазывая слезы по лицу, она вскочила и побежала в глубь леса. Она бежала довольно долго, пока наконец не остановилась, прислушиваясь. Здесь не было слышно ни взрывов, ни диких криков. Уставшая девушка опустилась прямо на землю. Перед глазами все еще мелькали страшные картины: раненый отец, убитые люди, падающая Светлана Михайловна. Она прислонилась к дереву и тихо заплакала, не зная, что ей делать дальше.

Был уже седьмой час, когда она поднялась, решив, что следует идти на дорогу. Она не знала, что произошло на даче в ее отсутствие, и боялась даже подумать о том, что там могло случиться. Но она понимала, что оставаться в лесу в любом случае не следует. В карманах джинсов не было ни рубля. Да она, собственно, и не видела еще новые российские рубли. Не было не только рублей, но и долларов, турецких лир, азербайджанских манатов. Кроме носового платка, вообще ничего не было. Девушка, оставшаяся одна и пережившая страшный шок, должна была решать, как ей быть дальше.

Она двинулась, ориентируясь по заходящему солнцу, благо летом в Подмосковье темнело не так быстро. Вскоре она почувствовала, что устала. Казалось, что лесу не будет конца. Но она не боялась заблудиться, понимая, что такой лес не может тянуться бесконечно. Откуда-то издали слышался неясный гул машин. Она прошла еще немного и села в сухом месте, снова прислонившись к дереву.

В этих местах лес был редкий, чисто декоративный. Окруженная со всех сторон новыми дачными поселками, Москва постепенно теряла свои «зеленые легкие», лучшие земли, отдаваемые под все новые и новые застройки. Невиданные строения в несколько этажей возводились за считанные месяцы. Выписывались модные архитекторы, завозились изысканные облицовочные материалы, на некоторых виллах владельцы даже устанавливали лифты и окружали свои строения настоящим крепостным рвом и высокой стеной, дабы посторонний не мог проникнуть в их «замки». Близость с лесом или речкой играла определяющую роль в строительстве

дачи. Однако речка часто оказывалась тоже декоративной, так как воду из нее давно нельзя было пить, а шумевший рядом лес выполнял такие же «представительские функции».

Ираде повезло. Она сама не понимала, как это получилось, но, очевидно, всякое давление на психику имеет свои пределы. Человек либо срывается, становясь безумным и теряя всякие ориентиры, либо просто отключается, не выдерживая колоссального давления. Именно поэтому она, после стольких потрясений и волнений, просто прислонилась к дереву и почувствовала, что засыпает. Это была реакция на случившееся.

В таких «декоративных» лесах самая большая опасность исходила от людей. Самые крупные животные, которые могли оказаться здесь, были зайцы и вороны. Иногда можно было при большом желании увидеть лису. Но люди в лесу попадались частенько. Сюда забредали празднующиеся, среди которых встречались и наркоманы, и пьяницы. Однако в последнее время они избегали появляться именно в этих местах. Элитарные дачи охранялись огромным количеством свирепых собак и натасканных охранников, которые безжалостно травили и выгоняли незваных посетителей здешних мест. Именно поэтому этот лесок пользовался дурной славой у «диких» отдыхающих, они перестали здесь появляться, зная, как плохо относятся «дачники» и их челядь к «гостям».

Она проснулась от чьего-то прикосновения. Взглянула на часы. Четвертый час утра. Солнце еще не взошло, но уже было достаточно светло. В ноги ей тыкался небольшой кролик, который, похоже, довольно давно наблюдал за неподвижной девушкой. Она пошевелилась, и он испуганно юркнул в кусты. Девушка засунула руку в карман. Нашупала несколько семечек, очевидно, положенных еще в Турции. Она достала семечки, улыбнулась и, поднявшись, огляделась. Утром все казалось другим, более спокойным и более светлым.

Она тщетно пошарила в карманах. Ничего больше найти не удалось. Только носовой платок. Ирада снова взглянула на часы. Четыре часа утра. Хотелось есть, но еще больше хотелось пить. Она отряхнула одежду и пошла в ту сторону, куда двигалась и вчера. Довольно скоро, минут через пятнадцать, она вышла на трассу, ведущую к городу. Редкие машины направлялись в сторону столицы. Подумав немного, она вышла на дорогу, поднимая руку.

Сначала резко затормозила проезжавшая мимо «девятка» с молодым парнем, который поманил ее рукой. Но ей не понравилась его наглая прыщавая физиономия, и она отрицательно покачала головой. Машина резко рванула с места.

Следующие два или три автомобиля проехали не останавливаясь. В одном сидела за рулем женщина, которая только покачала головой, увидев голосующую на обочине в пятом часу утра девушку. Ирада проводила ее долгим взглядом и вздохнула. Машин было мало, и они проезжали не останавливаясь. В такую рань еще не поднимались сытые владельцы роскошных особняков. Ехали люди, почему-то спешившие в город именно в пять часов утра. А те, кто спешил в город в это время, меньше всего думали о девушке, голосующей на дороге.

Наконец ей повезло. Рядом затормозила «шестерка». Машина была старая, облезлая, а водителю на вид было лет пятьдесят. Большие роговые очки придавали ему солидный вид, вызывающий доверие.

- Куда вам? – спросил он, открывая дверь.
- В город, – выдохнула Ирада.
- Куда именно? – улыбнулся мужчина.
- В центр, – пожала она плечами.
- Понятно, – кивнул ей водитель. – Садитесь.

Она привычно подошла к задней двери. В Турции и в Азербайджане не принято, чтобы женщина садилась на переднее сиденье рядом с водителем. И хотя в этих странах многие женщины сами водили машины, тем не менее в большинстве своем за рулем сидели мужчины, а дамы устраивались на задних сиденьях. Он удивленно оглянулся.

- Там закрыто, – сказал он, и девушка села рядом с ним.

Машина двинулась в сторону города. Мужчина взглянул на нее:

– Как вас зовут?

– Ирада, – сказала она, чувствуя, как приятно сидеть в удобном кресле.

– А меня Альберт Петрович, – представился мужчина. – Сколько вам лет?

– Девятнадцать, – соврала девушка, решив прибавить себе два года.

– Понятно, – добродушно усмехнулся Альберт Петрович. – И все-таки куда вас отвезти?

– Я не знаю, – честно призналась девушка.

Он взглянул на нее. Помолчал и спросил:

– Давно стоите на дорогах?

– Минут двадцать, – призналась девушка.

Он снова взглянул на нее.

– Я спрашивал не про это.

– А про что? – удивилась девушка.

Альберт Петрович снова посмотрел на нее. Потом спросил:

– Сколько тебе лет на самом деле?

– Семнадцать, – честно призналась девушка.

– В лесу что делала?

Она молчала.

– Не хочешь говорить, – усмехнулся Альберт Петрович. – Ну понятно, из дома сбежала.

Ирада кивнула головой.

– Эх, девочка, – вздохнул ее собеседник. – Разве можно сейчас в такое время и одной на дороге? Могли не так понять. Где ты живешь?

Она молчала, только начала вдруг вздрагивать. Он понял, что произошло нечто более серьезное, чем обычный побег из дома, и замолчал. А она, вспомнив вчерашние события, заплакала.

– Платок у тебя есть? – спросил он, дав ей выплакаться.

Она всхлипнула и достала платок.

– Куда тебя отвезти? – снова спросил он. – Центр большой, ты мне конкретно скажи. Адрес какой-нибудь.

– На Мичуринский проспект, – попросила она, вспомнив, что там была их квартира.

– Куда именно?

– Не знаю. Там наша новая квартира.

– Номер дома помнишь?

– Нет, – сказала она тихо.

– Но показать хотя бы сможешь?

– Нет, – она закусила губу.

Он тяжело вздохнул, понимая, что она опять может заплакать. И осторожно спросил:

– А где была ваша старая квартира?

– У нас нет больше квартиры в Москве, – призналась девушка.

– Ничего не понимаю, – нахмурился Альберт Петрович. – Ну давай все начнем сначала.

Ты убежала из дома. Ты можешь вспомнить, откуда именно ты убежала?

– Нет, – она действительно не смогла бы назвать ни адреса дачи, ни поселка, где она была построена. Вчера вечером она, конечно, не запомнила дороги и тем более не спросила, куда именно они едут. С отцом всегда было спокойно и надежно. Кроме того, он не любил, когда задавали лишние вопросы.

– Ну и ситуация, – вздохнул Альберт Петрович.

– Я пить хочу, – вдруг сказала девушка.

– У меня на заднем сиденье в пакете есть бутылка минеральной. Возьми ее, – показал он на большой белый пакет.

Она не заставила себя упрашивать и, перегнувшись, достала минеральную воду. Жадно припала к бутылке. Он видел, как она пьет. И когда она выпила всю воду, он спросил:

– Ты, наверно, и есть хочешь?

Девушка испуганно кивнула головой. В машине было тепло и спокойно. И ей не хотелось ни о чем думать.

– Сейчас по дороге куплю тебе какие-нибудь бутерброды, – сказал Альберт Петрович, – деньги ты, конечно, не взяла? Ну ничего, что-нибудь придумаем. Только нужно решать, что делать потом. Может, ты мне дашь телефон твоих родителей. Как позвонить твоей матери?

– У меня нет мамы, – нахмурилась девушка.

– А отец?

– Он... он болен...

– Ясно, – ему все больше не нравилась эта ситуация, и он не знал, что ему предпринять. Альберт Петрович был врачом и возвращался из подмосковного городка, где работал заместителем главного врача в местной больнице. Он устал, и ему хотелось спать, но неожиданная встреча переворачивала все его планы. Нужно было решать, что делать со своей неожиданной попутчицей.

Он остановился около небольшой закусочной, где купил горячие пирожки, бутерброды, две бутылки воды. Глядя, как девушка набросилась на еду, он понял, насколько она была голодна. Но если эту проблему можно было решить довольно легко, то оставалась другая проблема – что ему делать с испуганной и вконец запугавшейся девочкой.

Ирада даже не знала, что его интересует ее судьба еще и потому, что у него была собственная дочь восемнадцати лет. Вдовец, он женился вторично пять лет назад. И женился крайне неудачно. Постоянные скандалы его новой супруги с девочкой привели к тому, что он был вынужден разрешить дочери жить у родителей покойной первой жены. Именно из-за своей неудачной женитьбы он перевелся в дальнюю больницу, где часто оставался ночевать, чтобы избежать семейных скандалов. По натуре он был человеком мягким, покладистым и всячески избегал обострения ситуации, предпочитая обходить острые углы. Собственно, он даже и не женился второй раз. Узнав, что он вдовец, его новая супруга просто женила его на себе, перейдя жить к нему домой со своим маленьким сыном, который называл Альберта Петровича «дядей Бертом». Сейчас ему уже было шестнадцать лет, и этот оболтус заканчивал школу.

– Ладно, – решил Альберт Петрович. – Расскажи мне, что случилось, а я попробую тебе помочь.

Она перестала есть, отодвинулась от него. Отрицательно покачала головой.

– Что же мне с тобой делать? – устало спросил Альберт Петрович. – Пропадешь ведь одна.

Она молчала.

– Ладно, – решил он, – давай сделаем так. Я отвезу тебя на дачу. У меня, правда, не совсем дача, а скорее развалюха, но там ты сможешь немного отдохнуть. Если захочешь уйти, оставишь ключ под половицей. Если захочешь остаться – оставайся. Я приеду вечером, привезу тебе что-нибудь поесть. Согласна?

Девушка кивнула, боясь поверить в такую доброту. Альберт Петрович покачал головой.

– Ну почему ты такая дикая? – добродушно спросил он. – Неужели трудно рассказать мне, где находится твой отец. Или хотя бы дать его телефон? Я понимаю твои проблемы, но не обязательно делать так, чтобы проблемы появились и у твоего отца. Не хочешь говорить, ну ладно, не говори.

Она даже не подозревала, что он, уговаривая ее, видел перед собой и собственную дочь, которая дважды уходила из дома, разругавшись со своей мачехой. И теперь, уговаривая девушку, он пытался представить, как могли бы помочь незнакомые люди и его собственной дочери, окажись она в подобной ситуации. Правда, у его девочки положение было гораздо лучше. Она уходила к бабушке с дедушкой, родителям умершей матери, которые всегда охотно

и радостно принимали свою единственную внучку. А здесь заблудившаяся незнакомка не могла назвать ни адреса, ни телефона своего дома, ни адреса своих родственников.

Он тяжело вздохнул и повернул направо. Его собственная дача была совсем небольшим домиком, поставленным им несколько лет назад, когда в Москве начали выделять горожанам небольшие участки земли. Разумеется, никаким садоводством врач заниматься не мог. Да и не хотел. А вот поставить небольшой домик и посадить вокруг него цветы он сумел. И с тех пор, когда позволяло время, вырывался туда. Жена не любила это место и никогда там не появлялась, считая и сам дачный поселок, и незатейливые дома соседей-врачей «плебейским местом». И поэтому он чувствовал себя там гораздо лучше, чем в собственном доме.

Да и приглашать девушку к себе домой он не решался, зная характер жены. Она и так все время возражала против его «ночных бдений», а если он еще привезет после ночного дежурства незнакомую симпатичную девочку, как минимум разразится скандал. А он слишком ценил свой покой, чтобы позволить ей отравлять его собственное существование.

Он часто задавал себе вопрос, что именно связывает его со второй женой и почему он терпит ее многочисленные оскорбительные выходки. И не находил на него ответа. Он мог давно махнуть на все рукой и просто развестись, но привычка, столь свойственная большинству мужчин, не позволяла ему решать проблемы таким путем. Да и воспоминания о первой жене, когда он оставался совсем один, давали о себе знать. Тогда ему было очень нелегко, и вторая жена все-таки, хотя бы отчасти, сумела внести разнообразие в его скучную жизнь. И хотя все это разнообразие заключалось в многочисленных скандалах по поводу и без повода, тем не менее он продолжал жить с ней, обреченно махнув рукой на все. В конце концов, она была неплохой хозяйкой, дома его всегда ждал горячий обед, все его вещи, в том числе и нижнее белье, регулярно стирались. А на все остальное он просто не обращал внимания, решив, что можно пережить ее бесконечные придирки, и старался поменьше бывать дома.

Они приехали через сорок минут. Был уже шестой час утра. Он остановил машину, открыл ворота, поманив за собой девушку. Подошел к дому, достал ключ, открыл двери и пригласил Ираду войти.

– В общем, устраивайся, – невесело сказал он. – Будешь жить здесь. Место не очень хорошее, но другого у меня просто нет. Вода в колодце, туалет во дворе. Постельное белье в шкафу. Если захочешь спать, можешь ложиться. Холодильник не включен, нужно запустить движок. Я вечером подъеду, привезу солярку. Ну что еще? – постарался вспомнить он, осматривая комнату. – В соседней комнате есть книги. Если будет скучно, почитай. И вообще, подумай, как быть дальше. Один день ты здесь проживешь, а потом тебе нужно будет помочь мне найти твоего отца.

Она всхлипнула.

– Ну ладно, ладно, – поправил очки Альберт Петрович. – Это мы вечером обсудим. Соседи у нас хорошие, если тебе понадобится что-нибудь, можешь обращаться к ним. Вон у тех соседей, видишь, крыша черепичная, есть телефон. Если вдруг понадобится, можешь позвонить. Бутерброды я оставлю на столе. До вечера как-нибудь продержишься.

Он достал ручку, взял обрывок газеты, написал свой телефон. Потом, подумав, дописал свое имя и отчество. Она стояла посередине комнаты, глядя на него, словно не веря, что останется здесь совсем одна.

– Закрой дверь и спи, – посоветовал он на прощание и протянул руку, чтобы дотронуться до нее.

Слабо вскрикнув, девушка отпрянула в сторону. Он печально покачал головой и вышел, не сказав больше ни слова. И только когда он вышел, она бросилась к двери и закричала:

– Не уходите!

Он обернулся. Вздохнул, пожал плечами.

– Я очень устал, – признался Альберт Петрович, – у меня было ночное дежурство, и мне нужно отдохнуть. Если ты вспомнишь, где именно ты живешь, я отвезу тебя домой. Если тебе нужно подумать, оставайся здесь и подумай. Ты едешь со мной?

Она замерла на пороге и медленно покачала головой.

– Ну вот, видишь, – рассудительно сказал он, – тебе нужно еще решить, что ты вообще хочешь в этой жизни.

Девушка смотрела, как он идет к автомобилю, и крик рвался у нее из горла. Но она молчала. Он сел в машину, отъехал от дома задним ходом. Потом остановился, высунулся из окна и крикнул:

– Поспи немного, отдохни. А вечером я к тебе приеду.

И, развернувшись, уехал. Она смотрела, пока машина не скрылась из виду. И только потом вернулась в комнату, не забыв тщательно запереть дверь. Альберт Петрович поступил мудро, оставив девушку одну, чтобы она подумала и решила, как ей быть. Он даже не подозревал, какие именно события заставили ее убежать из дома. И это стало самой большой ошибкой в его жизни.

Глава восьмая

Ирада даже не могла себе представить, как много людей были задействованы в ее поисках. Поздно вечером, едва Стольников вернулся домой, ему позвонили.

– Слава, – раздался глухой, знакомый голос.

– Кязим, – удивился Стольников, – я думал, тебя пристрелили на складе. Кстати, весь наш товар оттуда вывезли, а ребят разогнали, я все потом узнал. Только тебя нигде не мог найти.

– Меня едва не убили, – печальным голосом сказал Кязим, – я думал, ты меня бросил.

– Меня самого едва не убили, – признался Стольников, – они бросили гранату, и я неудачно упал, повредив позвоночник. Ты где находишься?

– У друзей. Домой боюсь идти.

– Почему?

– Сам знаешь. Они на этом не остановятся, будут искать нас по всему городу.

– Кто они?

– Те, кто напал на дачу.

– Я сижу дома, и меня никто не трогает.

– Значит, они до сих пор не знают, где ты живешь, – ответил Кязим, – или убивают только наших.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – в сердцах сказал Стольников, – завтра утром большой сбор. В девять утра. Приедет брат Исмаила. Он сегодня прилетает в Москву.

Младший брат был компаньоном хозяина и работал в основном в Иране. Узнав о случившемся, он обещал прилететь сегодня вечером, но предусмотрительно не сказал, каким рейсом, решив подстраховаться. Если предали старшего брата, значит, могут предать и его, решил он. И поэтому назначил большой сбор на утро следующего дня.

– Где собираетесь? – спросил Кязим.

– Ты сам знаешь, – Стольников помнил, что по мобильному телефону нельзя откровенничать.

– Понимаю. Когда мне приехать?

– В девять утра. И постарайся остаться живым до завтрашнего дня, – посоветовал Стольников. – Младшего брата Исмаила наверняка заинтересует, куда делся товар с твоего склада.

– Черт возьми! – прохрипел Кязим. – Я об этом не подумал.

– В любом случае будь завтра на месте. Я сумею подтвердить, что ты не виноват.

– Спасибо, Слава, – Кязим отключился.

Стольников убрал телефон. Сегодня он успел поговорить еще с несколькими ребятами. Нужно будет выяснить все точно. И самое главное, завтра еще раз проконтролировать отправку ребят из частного агентства в больницу к Махмудбекову. На даче им сегодня не разрешили появляться. Там работали сотрудники прокуратуры, милиции, ФСБ. Стольников успел заехать на квартиру Махмудбекова, но в ней шел ремонт, и никаких документов, компрометирующих хозяина, в квартире не было.

Он вспомнил слова Цапова. Нужно найти девочку. Но где ее искать в многомиллионном городе? Если бы была жива Светлана Михайловна... Черт возьми, нужно еще заехать к ее детям, организовать похороны. Господи, как все это глупо. Кому могла понадобиться такая бойня. Он не был ангелом и знал, что Исмаил Махмудбеков также не был ангелом. Но он знал, что тот всегда действовал по негласным правилам и никогда не карал невиновных и не нападал на слабых. У Махмудбекова был своеобразный кодекс чести, присущий южанам, и он никогда не посмел бы его нарушить.

Нужно все-таки что-то делать, чтобы найти девочку. Для Исмаила это самая большая проблема. Стольников прошел на кухню. Благодаря своей «работе» он сумел купить неболь-

шую двухкомнатную квартиру, где предпочитал жить один. После того как его оставила жена, он не доверял женщинам. И даже когда в его жизнь вторгались незнакомые женщины, он и тогда не приводил их домой, словно оберегая свое жилище. На кухне он сделал бутерброд, сунул его в карман и уже собирался выйти, когда в дверь позвонили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.